

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

АНТИ-
СОВЕТЧИНА

ИЛИ ОБОРОТНИ В КРЕМЛЕ

Валерий Шамбаров

**Антисоветчина, или
Оборотни в Кремле**

«Алисторус»

2014

Шамбаров В. Е.

Антисоветчина, или Оборотни в Кремле / В. Е. Шамбаров —
«Алисторус», 2014

Антисоветчина – борьба с Советской властью – была излишне романтизирована в 90-е годы XX века. Однако при ближайшем рассмотрении нарисованный образ выглядит не таким уж привлекательным. О том, как появляются враги государства внутри самого государства и почему корпоративные идеалы вдруг оказываются преданными даже их формальными защитниками, рассказывает новая книга известного писателя-историка Валерия Шамбарова.

© Шамбаров В. Е., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Пролог	6
Что такое «план Хауса»?	8
Мир и «мировая закулиса»	11
Тайна сараевских выстрелов	17
Революция или удар в спину?	23
Скрытые механизмы Октября	29
Нашествие иноплеменных	35
Феномен Сталина	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валерий Шамбаров
Антисоветчина, или Оборотни в Кремле

© Шамбаров В.Е., 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

Пролог

На российских календарях было 2 марта 1917 г. от Рождества Христова. На западных календарях – 15 марта... Государь император поставил свою подпись и отложил перо. Перед ним лежал Акт об отречении.

«Божьею милостью Мы, Николай II, император Всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и пр, и пр., и пр. объявляем всем Нашим верноподданным. В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу было угодно ниспослать на Россию новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны... В эти решающие дни в жизни России, почли Мы долгом своим облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего облегчения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие наше брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского... Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ней – повиновения Царю в тяжелую минуту всенародного испытания, и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай».

Рядом скорбно застыли приближенные. Прибывшие из столицы во Псков Гучков и Шульгин с трудом скрывали радость и нетерпение, желание тут же выхватить подписанную бумагу. А государю хотелось, чтобы они поскорее взяли ее и ушли. Исчезли с глаз долой... Он просто очень устал. Он отрекался только за себя и за горячо любимого сына, не желая ему тех треволнений и грязи, через которые пришлось пройти самому. И его подпись не предполагала никаких потрясений Российской державы. Николай Александрович верил, что вполне легитимно передает власть брату, передает рычаги управления вполне легитимному, популярному у народа и общественности правительству «в согласии с Государственной Думой»...

Ну а Гучков и Шульгин радовались, что настолько легко обманули царя, выманив подпись и узаконив правительство, не обсуждавшееся и не предлагавшееся никакой Думой, а составленное в узком кругу масонов-заговорщиков. И теперь это правительство сможет рулить вовсе не так, как видится императору. Изменит сами основы государственности, пререкроит их по образцу респектабельной и солидной Англии и сделает Россию такой же респектабельной конституционной державой...

Царь не знал и не мог предположить, что его столь нагло обманули. И двое заговорщиков, примчавшихся из столицы, не знали, что они тоже обмануты своими собратьями. Что все будет совершенно иначе. Не так, как грезил он. Не так, как уверяли их послы союзных держав. Никто из присутствующих не знал и не мог знать, к чему ведет только что совершившееся действие, в какие кошмары обрушивает оно страну и народ... И народ не знал, на какие кошмары он обрекает и себя, и данного ему от Бога царя, не поднявшись в его защиту...

И уж подавно никто, ни усталый царь, ни посланцы заговорщиков, ни подыгравший им генерал Рузский, ни траурно нахохлившиеся царедворцы, ни солдаты-часовые, равнодушно шагающие по снежным станционным путям, не знали другого. Что заговор против империи, реализовавшийся в их присутствии, вызрел вовсе не в Петрограде. И вовсе не в России. Даже не в Европе, а за океаном. И свержение русского царя было отнюдь не самоцелью, а всего лишь одним из звеньев куда более широкого и глобального заговора.

Усиливался ветер, подхватывая снежинки по бескрайним полям, нес их поземкой, закручивал змейками и вихрями. Над Россией начиналась метель. Заметающая дороги, ослепляющая людей, засыпая им глаза, путая ориентиры, сбивая с пути и заставляя кружиться в своих студёных хаотичных потоках. Долгая, суровая метель...

Что такое «план Хауса»?

Доказательства того, что русская революция стала результатом операций отнюдь не внутренней оппозиции, а внешних сил, начали всплывать еще во время гражданской войны, хотя хода им не давалось, следы тщательно заматались, а компрометирующие документы прятались подальше. Тем не менее они существуют. Например, подборка материалов на данную тему содержится и в десятичном файле (861.00/5339) госдепартамента США и свидетельствует об антироссийском сговоре американских банкиров. Центральный документ данной подборки – доклад «Большевизм и иудаизм», датированный 13 ноября 1918 г. В нем указано, что «революция в России была задумана в феврале 1916 г.» «Было установлено, что нижепоименованные лица и предприятия принимали участие в этом разрушительном деле». Перечисляются видный банкир из фирмы «Кун и Лоеб» Яков Шифф, другие руководители той же фирмы – Феликс Варбург, Отто Кан, Мортимер Шифф, Джером Ханauer, а также крупные американские финансовые тузы Гугенгейм, Макс Брейтунг, Исаак Зелигман.

Но нет, в деле были замешаны не только банкиры, не только «большевизм и иудаизм», и сговор был не только антироссийским. Он преследовал куда более грандиозные цели. В указанное время, в начале 1916 г. в кругах политической и деловой «закулисы» США вызрел план, который можно условно назвать «планом Хауса». Вам незнакомо это имя? Ничего удивительного, многим из современников оно тоже не было знакомо. Тем не менее полковник Хаус являлся одним из самых влиятельных людей планеты.

В 1912 г. крупнейшие банкиры США провели на пост президента Вудро Вильсона. Известного историка, увлекающегося профессора и ярого протестанта, убежденного чуть ли не в своей «мессианской» роли спасения Америки, а то и всего мира. Впрочем, воображать он мог все что угодно. Главным спонсором выборной кампании являлся видный нью-йоркский финансист Бернард Барух. Он отличался от многих других собратьев тем, что не создавал крупных фирм, его называли «одиноким волком Уолл-стрита». Имел Барух и еще одну отличительную черту – он умел и любил делать бизнес на политике и на политиках. Но в выдвижении Вильсона он был отнюдь не одинок, его поддерживали Дж. Морган, Шифф, Варбурги и др. А режиссерами и сценаристами, блестяще разыгравшими ход предвыборной борьбы, были Барух и финансист из Техаса Мандел Хаус.

И Хаус стал не только советником, но и ближайшим другом Вильсона. Разумеется, вовсе не простым другом. Хаус фактически направлял и регулировал политику президента. И как раз он ради этого поддерживал Вильсона в «мессианских» убеждениях. Этот «серый кардинал» подмывал под себя госдепартамент, аппарат Белого дома и без лишней скромности именвал себя «я – власть позади трона»[6]. Ну а через Хауса действовала команда банковских олигархов, сделавших ставку на Вильсона. И в результате проводилась такая политика, что этого президента стали называть за глаза «марионеткой Ротшильдов» (и их ставленников в США – Моргана, Шиффа, Баруха и пр.)

Хаус формально оставался всего лишь «советником», скромно назывался «полковником», причем не армейским, а «техасским полковником» (в южных и западных штатах США подобное звание, принадлежавшее кому-то из предков, передается по наследству, превращаясь в титул) – но стоит ли удивляться, что его принимали на равных и радушно обхаживали ведущие политики Англии Асквит, Грей, Бальфур, Ллойд Джордж, французские лидеры Пуанкаре и Клемансо, итальянские и австрийские дипломаты, перед ним широко открывались двери в кабинеты канцлера Германии и кайзера Вильгельма II?

Россию Хаус ненавидел, считая главной конкуренткой США. И когда началась Мировая война, был крайне озабочен получившимся раскладом сил. Еще летом 1914 г. он внушал Вильсону, что победа Антанты «будет означать европейское господство России». Однако и победу

Германии он считал крайне нежелательной для США[6]. Откуда следовал вывод – победить должна Антанта, но без России.

Однако в 1914 г. о победе говорить было еще рановато. Антанта и Центральные Державы ослабляли и разоряли друг друга в затяжной войне, а нейтральная Америка быстро и невиданно богатели на поставках обеим сторонам, превращаясь из «мирового должника» в «мирового кредитора». Перед войной внешний долг США достигал 3 млрд. долл., в конце войны страны Антанты оказались должны США 2 млрд. долл. (тогдашних – для оценки по курсу 2007 г. надо умножить примерно на 20)[66]. Промышленный потенциал европейских держав был подорван, а в Америке военные заказы привели к настоящему буму – строились новые заводы, фабрики, находили сбыт сырье и сельскохозяйственная продукция. Население росло за счет бегущих от ужасов войны квалифицированных рабочих, трудолюбивых фермеров, образованных интеллектуалов.

И такое возвышение США подталкивало к дальнейшим претензиям, уже политическим и геополитическим. Именно это и предусматривалось «планом Хауса». Правда, повторюсь, данное название чисто условно. Во-первых, автором плана наверняка был не он один. А во-вторых, неизвестно, существовал ли подобный план в виде единого документа. Но сохранились дневники, письма полковника Хауса[6], исследуя которые, можно утверждать вполне определенно – такой план был (хотя некоторые исследователи избегают термина «план» – скажем, видный американист А.И. Уткин пишет не о «плане», а о «стратегии Хауса», в чем автор не видит принципиальной разницы). Можно выделить и основные звенья этого плана. *А целью его являлось не более не менее как установление мирового господства США.* Но достижение этой цели предполагалось не военными средствами, а политическими, экономическими, финансовыми и пропагандистскими. Для чего, по замыслам Хауса, следовало:

- После того, как Америка пожала все плоды нейтралитета, требовалось пожать и плоды победы. А для этого США должны были вступить в войну. Но вступить только после свержения русского царя – чтобы сама война приобрела характер борьбы «мировой демократии» против «мирового абсолютизма». Об этом Хаус писал Вильсону еще летом 1916 г.! А ведь срок вступления США в войну оговаривался с державами Антанты заранее. И определялся на весну 1917 г.

- Но и крушением русской монархии ограничиваться не следовало. Россия должна была пасть окончательно и выйти из войны. В этом случае Центральные Державы навалятся всеми силами на Запад. А французам, англичанам, итальянцам останется надеяться на спасение уже не со стороны русских, а только на американцев. А значит, США получали возможность диктовать им любые условия.

- Победу над Германией и ее союзницами предполагалось обеспечить не столько военными, сколько пропагандистскими средствами. Президенту США следовало объявить, что война ведется не против народов этих стран, а только против агрессивных монархических режимов, искать опору в «демократических» кругах противостоящих государств, всячески поощрять их, заигрывать с ними – и тем самым инициировать революционные процессы. Пусть «демократы» валят своих монархов, веря, что Америка таким исходом вполне удовлетворится и готова будет заключить почетный мир.

- После победы выдвигался проект «фактического пересмотра системы международных отношений». США до начала XX в. традиционно придерживались политики «изоляции»: согласно доктрине Монро, не допускали европейского вмешательства на Американском континенте, но и сами в дела Старого Света не лезли. В результате европейские державы без них переплелись сложными системами взаимных договоров, трактатов, соглашений. Вписываться и вписываться в эту систему, по «плану Хауса», было бесперспективно и вредно. Ее

предстояло смести напрочь, для чего выдвигался лозунг «отмены тайной дипломатии». Объявить старую дипломатию «плохой», осудить и отбросить, а на чистом месте строить новую.

- Главной стратегической партнершей в достижении этих целей для США должна была стать Англия. Хаус указывал: «Если не обсуждать условий мира с другими союзными державами, то наша страна и Англия окажутся в состоянии диктовать условия». Но альянс предполагался заведомо нечестным. Он требовался, чтобы вместе подорвать силы России, ограничить интересы Франции, Италии, Японии. Однако при этом американцы готовились исподтишка подложить свинью и англичанам.

- Ну а в итоге всех усилий виделось – «надо построить новую мировую систему». С образованием «мирового правительства», где будет лидировать Америка. Сделать это предполагалось пропагандой «демократических ценностей». Поставить их во главу угла, провозгласить самодовлеющей величиной, приоритетом всей международной политики. Благоприятные условия для подобной пропаганды создавала катастрофа мировой войны, колоссальные жертвы. Эти бедствия объяснялись агрессивностью «абсолютизма», недостаточной «демократией» европейских держав. И утверждение «подлинной демократии» объявлялось единственным средством предотвратить подобные катастрофы в будущем. А США в таком случае выдвигались на роль мирового учителя демократии – и мирового арбитра. Они получили бы право влезать во внутренние дела других государств, оценивать и определять, какое из них в достаточной степени «демократично», а какое недостаточно. Читай – опасно для мирового сообщества со всеми вытекающими последствиями (еще раз напомним – эти проекты разрабатывались не в 1990-х, а в годы Первой мировой войны). И Хаус убеждал Вильсона: «Мы должны употребить все влияние нашей страны для выполнения этого плана».

- Что же касается России, то она, выйдя из войны, выбывала и из числа победителей. И ее саму можно было пустить в раздел вместе с побежденными. Задолго до небезызвестного Збигнева Бжезинского Хаус писал: «Остальной мир будет жить более спокойно, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна – Сибирь, а остальные – поделенная Европейская часть страны»[6]. При этом на осколки России следовало «распространять нашу финансовую, промышленную и моральную поддержку по всем мыслимым направлениям», и они превращались в сырьевые придатки и рынки сбыта США.

Кстати, Манделу Хаусу очень не нравилось и русское Православие. А поскольку Вильсон, как отмечалось выше, был фанатичным протестантом, «серый кардинал» вполне находил у него понимание, убеждая президента, что эта вера «слишком ортодоксальна», поэтому русские вообще не являются «настоящими христианами». В общем, для интеграции России в «новую мировую систему» Православие считалось желательным тоже разрушить и заменить религией «наподобие протестантских»[6].

Нетрудно увидеть, что с 1917 г. события начали развиваться как раз по тому сценарию, который получил отражение в архивах всемогущего президентского советника. Ясное дело, реализовывал проекты не он один. Участвовали в выполнении «плана Хауса» американские и европейские политики, участвовали западные дипломаты и спецслужбы. Участвовали и русские революционеры, общественные деятели – хотя из них только считанные единицы знали, на кого они, в конечном счете, работают и чей заказ исполняют. Но были и такие, кто это знал.

Мир и «мировая закулиса»

Понятие «мировой закулисы» ввел в обиход великий русский философ И.А. Ильин. А сложилась эта «закулиса» во второй половине XIX в. благодаря традиционной практике, когда доступ тех или иных лиц в среду крупных банкиров и промышленников осуществлялся, как правило, через систему браков. Практика, в общем-то, понятная. Семейные связи были удобны для поддержания кредита доверия, для более успешных операций, концентрации капиталов, охвата новых сфер деятельности.

Так, в Австро-Венгрии, Франции, Англии заворачивали делами три ветви Ротшильдов. Они были в родстве с германскими банкирами Варбургами, британскими Мильнерами, российскими Бродскими, Варбурги породнились с российскими Гинзбургами. Представителем Ротшильдов в США стал Дж. Морган, быстро выдвинувшийся на роль ведущего банкира Америки. Еще один сотрудник Ротшильдов, Яков Шифф из семьи франкфуртских банкиров, тоже переехал в США, женился на дочери некоего Куна и поступил в его фирму «Кун и Лоеб». Путем браков в компанию «Кун и Лоеб» вошли братья гамбургского банкира Макса Варбурга Пол и Феликс, представитель семейства финансистов из Мангейма Отто Кан. Благодаря этому «Кун и Лоеб» стал вторым по значению банком США после компании Моргана. Шифф был также связан с Гарриманами, Гульдами, Рокфеллерами, Оппенгеймерами, Гольденбергами, Магнусами, ведущим британским производителем оружия Виккерсом. А была и швейцарская ветвь Варбургов, двоюродных братьев Макса. В родстве с Варбургами были датские банкиры Дель Банко. С ними были связаны также британские и германские Шредеры...

Таким образом, возник своеобразный «финансовый интернационал». Но банкирские круги через подконтрольную им прессу определяли и «общественное мнение» различных стран. И имели значительное влияние на правительства. В демократических державах такое влияние было абсолютным, поскольку победа на выборах определялась финансовыми возможностями сторон. Связи между политическими и деловыми кругами тут даже и не скрывались, и сама политика направлялась в зависимости от интересов американских, британских, французских банков и промышленных корпораций. В государствах монархических, особенно в России, это влияние было значительно слабее, но оно все равно существовало, проводилось через «покровителей» крупных компаний в правительстве, окружении царя.

А кроме родственных связей деловые и политические круги различных государств переплетались другими – масонскими. Это тоже было полезно с практической точки зрения. Обеспечивало поддержку, взаимопомощь, нужные знакомства, координацию действий. Так, упомянутый Яков Шифф добился успехов не только благодаря своим качествам гениального финансиста, но и из-за того, что являлся членом иудейской ложи «Бнайт брит», став в ней одним из высших иерархов. Высокопоставленным масоном был и полковник Хаус – несомненно, это сыграло определяющую роль в его карьере. Впрочем, без принадлежности к «вольным каменщикам» с некоторых пор карьера была практически невозможной в британской, французской политике, в армиях и спецслужбах западных держав.

Причем масонские связи, как и родственные, были наднациональными, позволяя взаимодействовать структурам в различных государствах, объединять усилия с выгодой для себя. И еще в начале XX в. стала впервые выдвигаться идея «нового мирового порядка». Она была изложена в так называемом «Плане Марбург», в разработке и финансировании которого принял участие американский мультимиллионер Эндрю Карнеги. Указывалось, что правительства различных стран должны быть «социализированы», а реальная власть будет принадлежать финансистам. Идею подхватили Макс Варбург, Отто Кан, Барух, Гувер, президент лондонского банка «Джойнт Сток» (и глава «Великой ложи Англии») лорд Мильнер[158].

И к этому же времени, к рубежу XIX – XX вв., «мировая закулиса» определила Россию своей главной противницей. Сразу по нескольким параметрам. Во-первых, после отмены крепостного права наша страна совершила гигантский промышленный рывок. Вышла на одно из ведущих мест в мире по показателям экономического развития, а по темпам роста производства обогнала всех, лидировала в науке и культуре, ее население, сильное и здоровое, динамично увеличивалось, и, по прогнозам Менделеева, должно было достичь в XX в. 600 млн. человек... Словом, Россия становилась слишком сильной конкуренткой стран Запада. Во-вторых, наша страна осталась при этом самодержавной монархией, то есть, оказалась препятствием для планов «нового мирового порядка». Наконец, Россия являлась мировым оплотом Православия. И, соответственно, врагом для масонства с его богоборческими установками.

Подрывная работа против нашей страны велась очень давно. Так, зарубежные масонские круги исподтишка инициировали восстание масонов-декабристов. Брались под покровительство оппозиционеры типа Герцена. Финансировались и снабжались оружием кавказские горцы, польские сепаратисты. Использовалось и другое оружие, идеологическое. С начала XIX в. в Россию внедрялись разрушительные либеральные теории. Ну а потом стали внедряться социалистические. Это облегчалось тем, что и международные социалистические структуры были связаны с «мировой закулисой». Те же банкиры финансировали социалистические газеты, выборные кампании, партии – и через их лидеров получали возможность держать под контролем рабочее движение, проводить нужные решения в парламентах. Многие видные социалисты принадлежали и к масонским кругам. А против России социалисты для правительственных и теневых сил Запада являлись естественными союзниками – еще Маркс и Энгельс называли нашу страну главным врагом революционеров из-за той стабилизирующей роли, которую она играла в Европе.

Слабые и разрозненные социалистические кружки в России, группы политэмигрантов сами по себе не представляли для государства ни малейшей опасности. Влияние их было ничтожным, революционеров легко отслеживала и вылавливала полиция. Но в начале XX в. они вдруг начали получать весомую поддержку от зарубежных «коллег» из II Интернационала. Да и западные разведки никак не могли оставить без внимания столь полезных людей. И можно отметить, что революционерам в данное время стала оказываться не только денежная, но и прямая организационная помощь. В 1902-1903 гг. *кто-то* (отнюдь не сами революционеры) создает эффективную и разветвленную систему побегов из сибирских ссылок, снабжения фальшивыми документами. *Кто-то* организует систему «окон» для нелегальных переходов границы, переправки литературы (и вот тут без содействия иностранных спецслужб обойтись никак не могло).

Важную роль в этих операциях играл видный австрийский социалист Виктор Адлер, связанный, с одной стороны, с Ротшильдами, а с другой, со спецслужбами Австро-Венгрии. Он выполнял функции «отдела кадров», выискивая среди российских революционеров «перспективные» кандидатуры. Другой ключевой фигурой стал Александр Парвус (Израиль Гельфанд), связанный со спецслужбами Германии и Англии. Он привлек под свое «крыло» Ульянова-Ленина, Мартова и др., наладил выпуск «Искры», начав вокруг нее формирование нового, боеспособного ядра российской социал-демократической партии. Весьма показательной выглядит и карьера Троцкого. В 1898 г. за участие в создании революционной организации он был арестован и угодил в Сибирь. В тюрьме написал трактат о масонстве, в ссылке подрабатывал газетными публикациями. И его литературные таланты (а возможно, и интерес к масонству) были замечены. В 1902 г. для него, никому еще не известного и ничем не зарекомендовавшего себя, устроили побег, по цепочке конспиративных явок благополучно передали от Иркутской губернии до Австрии. В Вене он явился не к кому иному, как к Адлеру, был оценен, обласкан, снабжен деньгами и документами и направлен в Лондон к Ульянову. Потом

Льва Давидовича берет под покровительство Парвус, даже поселяет в своем мюнхенском особняке, где учит «уму-разуму»[182, 198].

Причина подобной активизации революционеров открылась в 1904 г., когда против России была начата первая глобальная диверсия. Когда ее сравнили с Японией, а одновременно взорвали ее тыл революцией. То и другое осуществлялось одними и теми же теневыми кругами. Американские банкиры во главе с Шиффом обеспечили для Токио займы, позволившие японцам вести войну[158, 177]. Великобритания обеспечила дипломатическую поддержку – как только на Дальнем Востоке зазвучали выстрелы, русские очутились в международной изоляции, против них сплотились США, Англия, Франция, Турция. Германский кайзер, вроде бы, принял сторону царя, но за это навязал кабальный торговый договор, а немецкая и австрийская разведки всюду подыгрывали японцам[129].

Часть из тех же займов, не менее 10 млн. долл., была пущена на диверсионную работу, т. е. на подпитку революции. За рубежом буквально накануне войны, в январе 1904 г., были созданы нелегальные организации русских либералов, будущие партии кадетов и октябристов, начавшие раскачку страны. Французские и британские банкиры постарались обвалить российские ценные бумаги, чтобы политический и военный кризис дополнился финансовым. При поддержке германских, австрийских и турецких спецслужб через границу поехали десанты подготовленных революционеров, пошли транспорты с оружием для боевиков (в частности, этим занимался Красин, связанный с немецкой разведкой). А масоны в царском правительстве во главе с премьером Витте подтолкнули Николая II издать Манифест о даровании аминь-стии, политических свобод и введении парламентского правления. Никакого успокоения он не принес, наоборот, революционеры получили возможность действовать открыто, и ситуация вообще вышла из-под контроля.

Однако революция обернулась «фальстартом». Воспользовавшись ослаблением России, сразу же стала бряцать оружием Германия, что встревожило французов и англичан. А чрезмерное усиление Японии не устраивало американцев. Поэтому при посредничестве США между Россией и Страной Восходящего Солнца был быстренько заключен компромиссный Портсмутский мир, а финансовые потоки, питавшие революцию, вдруг пресеклись.

И как только она лишилась зарубежной поддержки, справиться с ней оказалось не так уж сложно. В России нашлось вполне достаточно здоровых сил – верные правительству воинские части, казачество, массовые патриотические организации вроде «Союза Русского народа», успешно противостоявшие революционерам. А чрезвычайные меры и военно-полевые суды, введенные Столыпиным, заставили поджечь хвосты разгулявшихся террористов. И революция захлебнулась. О том, насколько мало значили российские социалисты сами по себе, можно судить по их состоянию в 1907-1912 гг. В своем отечестве практически всех революционеров пересажали. Тех, кто бежал из ссылки и пытался реанимировать нелегальную работу, быстро арестовывали и возвращали в места не столь отдаленные. А их коллеги, нахлынувшие в эмиграцию, бедствовали без денег и перессорились, разбившись на массу течений и группировок, враждовавших между собой[89].

Но после некоторого перерыва началась подготовка новой атаки на Россию. Старт был дан за океаном. Американская пресса раздула очередную кампанию по обвинению нашей страны в «антисемитизме». В конце 1911 г. правительство США под давлением банкиров из группы Шиффа денонсировало русско-американский торговый договор 1832 г. А в 1912 г. в Нью-Йорке состоялся международный сионистский съезд. Отнюдь не тайный, он проходил открыто и торжественно. Ход его широко освещался прессой – в частности, газета «Нью-Йорк сан» оповестила о том, что выступивший на съезде Герман Лоеб провозгласил задачу «поставить Россию на колени»[136, 158]. Для этого был создан специальный фонд, в деле приняли участие Шифф со своими компаньонами, Ротшильды, Варбург, Барух, Мильнер и др.

И, кстати, тогда же, в 1912 г. банкиры протолкнули на пост президента США свою креатуру Вудро Вильсона.

Разумеется, не по случайному совпадению сразу же обозначился очередной подъем активности российских революционеров. В Петербурге в 1912 г. сформировалась и развернула бурную работу большевистская фракция Думы, при ней начала выходить газета «Правда». Ленину после прошлой революции, несмотря на обращения к Адлеру, австрийские власти запрещали обосноваться на их территории. В 1912 г. все неожиданно переменялось, разрешили поселиться в Кракове возле самой границы. И австрийская полиция старательно закрывала глаза на то, как к нему из России и от него в Россию хлынули косяками нелегальные гости[89]. Проходит Пражская конференция большевиков, создается свой, отдельный от меньшевиков ЦК – и Русское бюро ЦК для работы внутри страны. Делается попытка сплотить расколовшуюся социал-демократию вокруг фигуры Троцкого, не принадлежавшего ни к большевикам, ни к меньшевикам – для этого созывается Венская конференция, которая провозглашает создание Августовского блока (хотя на деле никакого объединения не получилось, эмигрантские группировки уже успели слишком сильно разругаться друг с другом).

О заблаговременной подготовке операций против России свидетельствует и феномен образования своеобразных «пар». Яков Свердлов – большевик, «полевой командир» в России, а его брат Вениамин едет в США и как-то очень уж быстро создает там собственный банк. Приехал скромный юноша, сынишка гравера из Нижнего Новгорода, а через пару лет уже банкир, имеет офис в фешенебельном небоскребе в центре Нью-Йорка, на Бродвее[173]. Правдоподобно, как вы считаете? Но учтем, что его банк занимался переводами денег от еврейских эмигрантов «бедным родственникам» в России. А там проверь, сколько, кому, от кого и на какие нужды... Но одновременно и Якова Свердлова кто-то настойчиво продвигает в большевистской иерархии. Он сидит себе в ссылке, ничем себя еще не проявил, кроме создания террористических организаций на Урале, а его заочно вводят в ЦК, в Русское бюро ЦК.

Еще одна «пара» – братья В.Р. и А. Р. Менжинские. Один – большевик, другой – крупный банкир, член правления Московского Соединенного банка[177]. Наконец, Лев Троцкий – революционер в эмиграции. А в России действует его дядя – Абрам Животовский, который за 12 лет из помощника провизора становится купцом первой гильдии, банкиром и миллионером. Родственные отношения дядюшка и племянник между собой поддерживали, не прерывали. Их родственниками были также Каменев (Розенфельд), женатый на сестре Троцкого, Мартов (Цедербаум) – его сестра вышла замуж за племянника Троцкого. Отметим, что Животовский, как водилось, вошел в мир финансистов не без помощи масонских связей (в 1909 г. по делу Бебутова он возглавлял список из 385 видных масонов России). И не без установления брачных связей. В частности, породнился с крупнейшими киевскими тузами Бродскими, которые, в свою очередь, были в родстве с Ротшильдами, Каганами, Грегорами, Горовицами[58]. Животовский стал родственником и для Варбургов, Гинзбургов. Но таким образом и Троцкий, Каменев, Мартов стали не просто революционными вожаками, а членами международной банкирской «семьи».

Об этом свидетельствует и некое особое отношение к Льву Давидовичу со стороны теневых международных сил. В 1905 г. сам Адлер обеспечивает ему переход границы, в России его опекают столь высокопоставленные эмиссары «закулисы», как Парвус и Красин, проталкивают молодого, впервые вышедшего на «политическую арену» революционера сразу же в руководство Петербургского Совета. После ареста ему опять организуют побег за границу, раскручивают до уровня бестселлера его мемуары. Австрийские спецслужбы «дарят» ему газету «Правда», прежде принадлежавшую украинским националистам. Троцкого финансирует видный деятель германской социал-демократии Хильфердинг, выплачивая по 3 тыс. крон в месяц. А Адлер вводит его в политический «бомонд» Вены, Лев Давидович запросто общается с

австрийскими социал-демократическими тузами, запросто играет в шахматы с самим бароном Ротшильдом.

Имеются данные, что он был связан не только с политиками. В архивах сохранились документы, свидетельствующие, что Троцкий в данное время работал на австрийскую политическую полицию и разведотдел генштаба Австро-Венгрии, где состоял под началом полковника Таковского[35, 174]. Когда началась Балканская война, он едет на фронт в качестве корреспондента газеты «Киевская мысль» (финансируемой Бродскими и Животовским). Очевидно, передал немало ценных материалов своим австрийским покровителям. Да и не только австрийским – Лев Давидович по-прежнему поддерживал регулярные связи с Парвусом, который к этому времени устроился в Стамбуле, стал советником турецкого правительства, имел собственную разведывательную сеть (Радек, Раковский и др.) и поставлял информацию в несколько адресов: туркам, спецслужбам Германии и Бэзилу Захарову, руководителю британской разведки на Балканах.

Упрочение контактов революционеров и иностранных спецслужб в 1912-1914 гг. было, конечно же, не случайным, а целенаправленным. Ведь опыт 1905 г. показал, что в случае крушения России лидирующее место в Европе неизбежно займет Германия. А это «мировую закулису» совершенно не устраивало. Решение проблемы было однозначным – столкнуть русских и немцев друг с другом. В общем-то, войны желали многие государства. Немцы рвались к мировому лидерству, завидовали более «старым» колониальным державам и мечтали переделить земной шар. Австрийцы желали господствовать на Балканах. Для англичан Германия с ее колониальными аппетитами и быстрым наращиванием флота становилась главной соперницей. Французы жаждали рассчитаться за поражение в 1871 г. и вернуть утраченные Эльзас с Лотарингией.

Но у России территориальных претензий к соседям не было. Делить с немцами ей было абсолютно нечего. Дальнейшего расширения территории ей не требовалось, а мирное строительство сулило гораздо большие выгоды, чем война. Существовало родство (и определенные симпатии) между монархами двух стран. И они неоднократно предпринимали попытки к сближению и нормализации отношений. В 1905 г. на встрече в Бьерке, в 1910 г. на встрече в Потсдаме. Однако в окружении обоих монархов имелись «советники», каждый раз блокировавшие такие попытки и сводившие их на нет. Нашу страну усиленно втягивали в антигерманский лагерь. Англия, еще недавно величавшая Россию «страной кнута, погромов и казненных революционеров», называвшая царя за смертные приговоры террористам «обыкновенным убийцей», руки которого «обагрены кровью тысяч лучших его подданных», сменила вдруг гнев на милость, согласилась видеть в русских не исконных соперников, а друзей и союзников, пошла на разграничение сфер влияния в Иране, Тибете, начались визиты на высшем уровне. Французские банкиры, забыв об аналогичной антироссийской истерии, не скупились на военные займы Петербургу.

Зато истерия раздувалась теперь в Германии. Возникали и пропагандировались грандиозные планы «Великой Германии», включая значительную часть Европы, а также и Прибалтику, Польшу, Украину, Кавказ, Крым – которые следовало отобрать у России. Насаждалась идеология пангерманизма, уже тогда появились теории «превосходства германской расы»[51, 196]. Начальник генштаба Мольтке писал: «Европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами». Германский идеолог Бернгарди поучал: «Мы организуем великое насильственное выселение низших народов». Ему вторил другой официальный идеолог, Рорбах: «Русское колоссальное государство со 170 миллионами населения должно вообще подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности». Подобные идеи увлекали и самого Вильгельма, неуравновешенного и обуюнного комплексами.

Что ж, для кайзера, для его воинственных генералов, для милитаризованных и возбужденных лозунгами «места под солнцем» и «крови и железа» германских обывателей это и

впрямь было заманчиво. Победить, завоевать, создать мировую сверхдержаву. Но финансировали подобную пропаганду, ясное дело, не обыватели. Финансировали банкиры и промышленники, которым война сулила не «кровь и железо», а сверхприбыли. Банкиры, связанные со своими британскими, французскими, американскими собратьями. На их деньги функционировали и раскручивали военную агитацию многочисленные соответствующие организации: «Пангерманский союз», «Военный союз», «Немецкое колониальное товарищество», «Флотское товарищество», «Морская лига», «Союз обороны», «Югендвер», «Юнгдойчланд бунд» и т. п. Банкиры и промышленники обеспечивали бешеное наращивание вооружений – оно осуществлялось в таких масштабах, что Германия к 1914 г. оказалась загнана в настоящий «финансовый тупик». Она уже не могла не воевать! Иначе она обрушилась бы в грандиозный финансовый кризис[51].

К войне готовились не только армия и флот, готовились к ней и германские спецслужбы. И интересен факт, что одним из их руководителей стал крупнейший из немецких финансистов, гамбургский банкир Макс Варбург. Он курировал деятельность «Комми-ферейна», профессионального объединения немецких приказчиков и коммивояжеров в разных странах. Для них специалистами военного министерства была разработана форма отчетов, которые они обязаны были регулярно посылать в правление союза. И отчеты превратились в полноценные разведдонесения. Циркулярами генштаба № 2348 от 7 апреля 1908 г. и № 2348-бис от 22 июня 1913 г. в представительства разведки были превращены филиалы немецких фирм в России, в состав их сотрудников направлялись профессиональные шпионы[129]. Заранее создавались и каналы будущего финансирования подрывной работы. Для этого в 1912 г. под эгидой Макса Варбурга в Стокгольме был образован «Ниа-банк» Олафа Ашберга.

По-своему готовились к войне и в США. В этой стране из-за постоянной нехватки финансов для развития национальной промышленности действовал закон, запрещающий вывоз американских капиталов за рубеж. В 1913 г. Вильсон и Хаус добились его отмены. И сумели провести закон о создании Федеральной Резервной Системы (ФРС) – по функциям соответствующей нашему Центробанку, имеющей право печатать доллары, но она является не государственной структурой, а «кольцом» частных банков и независима в своих решениях от правительства. Что ни говори, а факт многозначительный. Генштабисты Германии, Австро-Венгрии, России, Франции, Англии, каждые по-своему, планировали короткую победонсную войну, в одну кампанию. А воротилы США, выходит, уже предвидели, что война будет тяжелой, затяжной. Предвидели и готовились наживаться на займах и поставках сражающимся сторонам. Не менее важным представляется и другой факт. Вице-президентом ФРС стал Пол Варбург. Компаньон Шиффа из фирмы «Кун и Лоеб» и родной брат германского Макса Варбурга.

Тайна сараевских выстрелов

На российских календарях было 15 июня 1914 г. от Рождества Христова. На западных календарях – 28 июня... По запруженным людьми улицам боснийского города Сараево двигался кортеж из нескольких открытых машин. Первая из них свернула с набережной Аппель в узкую улочку Франца Иосифа, за ней свернула вторая. На сиденье подскочил генерал Поттиорек и начал ругать шофера, что тот поехал не туда. Шофер затормозил и попытался разворачиваться. Но это оказалось сложно. В сжатом пространстве улочки пришлось выезжать на тротуар, который был заполнен множеством публики. Шофер крутил баранку, Поттиорек злился. А из толпы шагнул бледный, напряженный юноша, очутившись совсем рядом с бортом машины, и поднял револьвер. Бил тупо, как автомат, трясущейся рукой, ничего не видя. В упор, но все равно промазал – две пули рванули белое платье молодой красивой женщины, сидевшей в автомобиле. Мужчина в великолепном мундире, ее сосед, подхватил и обнял ее, прикрывая собой, крикнул: «Софи, не умирай, ты обязана жить ради наших детей» – и в это время третья пуля попала в него. Толпа скрутила стрелявшего, а он изворачивался, сунув в рот ампулу с ядом...

И весь мир закувыркался в пропасть. Впрочем, три выстрела, даже и сразившие наследника австрийского престола Франца Фердинанда вместе с женой, никак не могли привести к такому катастрофическому результату. Сами по себе – не смогли бы. Но они были всего лишь стартовыми выстрелами. Война могла разразиться гораздо раньше. Было два Марокканских кризиса, два Балканских. Германия откровенно угрожала, Австро-Венгрия несколько раз объявляла мобилизации. Но Россия каждый раз занимала сдерживающую позицию. К ней примыкала Англия, твердо давая понять, что не останется в стороне. И Центральные Державы шли на попятную. Созывались международные конференции, утрясали конфликты мирным путем.

Хотя на самом деле действовал и другой фактор. Миролюбие России, ее готовность искать компромиссы и идти на уступки воспринимались в Берлине как доказательство ее слабости, страха перед войной. И от кризиса к кризису Германия и ее союзники все больше нагнали, вели себя все более высокомерно. Другой вопрос, что кайзер считал еще не готовыми к войне свои вооруженные силы, особенно флот. Что толку одолеть Францию, если ее колонии хапнут англичане? Что толку одолеть даже и Англию, если на ее владения наложат лапу американцы и японцы? А в победе Германия была уверена. Еще в 1905 г. был разработан план Шлиффена, учитывающий разницу сроков мобилизации в Германии и России. Пока русские будут собирать свои армии и сосредотачивать на западных границах, немцы бросают все силы на Францию и молниеносно громят ее. А потом высвободившиеся контингенты перебрасываются на Восток и вместе с австрийскими армиями наносят впечатляющее поражение русским, окружая и уничтожая их войска...

Учитывая готовность германской армии и флота, срок начала войны, лето 1914 г., намечался заранее. Он прозвучал на совещании Вильгельма II со своими военачальниками 8 декабря 1912 г. (тема совещания так и формулировалась – «Наилучшее время и метод развертывания войны»)[189, 196]. Этот же срок, лето 1914 г., указывался в 1912-1913 гг. в донесениях русских военных агентов в Германии и Швейцарии, Базарова и Гурко. Германские военные программы, изначально рассчитанные до 1916 г., были пересмотрены – с завершением к весне 1914 г. А в мае 1914 г. на совещании в Карлсбаде начальник германского генштаба Мольтке указывал своему австрийскому коллеге Конраду фон Гетцендорфу «Всякое промедление ослабляет шансы на успех».

Значительное внимание в планах Центральных Держав уделялось и Балканам. Им предстояло стать главным «призом» для союзницы-Австрии. Но не только. В 1913 г., когда германский канцлер Бетман-Гольвег представил кайзеру доклад о ситуации в Балканском регионе,

Вильгельм II на полях написал, что требуется «хорошая провокация», дабы иметь повод нанести удар. «При нашей более или менее ловкой дипломатии и ловко направляемой прессе такую (провокацию) можно сконструировать... и ее надо постоянно иметь под рукой».

Действительно, повод для войны легче всего было найти здесь. Еще в 1879 г., после русско-турецкой войны, вмешавшиеся западные державы навязали свои условия мира, постарались лишить Россию плодов ее побед и перекроить границы возникших балканских государств. В 1908 г., воспользовавшись революцией в Турции, Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, находившиеся под ее мандатом, но формально считавшиеся турецкими. Однако на эти земли претендовала и Сербия, что вызвало первый Балканский кризис. В 1912-1913 гг. прогремели две Балканские войны. И опять австрийцы потребовали ограничить интересы сербов, Вену поддержал Берлин, Россия пошла на уступки, а Англия взялась посредничать и перекраивать границы.

В результате всех разделов и переделов Балканы превратились в клубок противоречий. Все остались недовольны – сербы, болгары, греки, македонцы, черногорцы, турки. А за ними стояли великие державы. Этот регион стал осиным гнездом игрищ спецслужб, бандитизма и терроризма. Одна за другой возникали тайные организации «Черная рука», «Народна одбрана», «Млада Босна», «Свобода» и пр. Но если Германия нацеливалась «skonструировать» провокацию на Балканах, то заниматься этим немецким агентам и дипломатам не пришлось. Вместо них провокацию «skonструировала» организация «Черная рука», возглавляемая начальником военной разведки Сербии Драгутином Дмитровичем (псевдоним «Апис»). Который был, несомненно, патриотом Сербии, ярым врагом Германии и Австро-Венгрии... Парадокс? Пожалуй, нет.

Дело в том, что Дмитрович, Танкосич и другие руководители организации были не только сербскими офицерами. Они были еще и масонами. И если Дмитрович-Апис осуществлял непосредственное планирование и командование операциями, то существовали и другие руководители, остававшиеся в тени. В частности, сербский министр Л. Чупа, видный иерарх «вольных каменщиков», связанный с масонскими кругами Бельгии и Франции. Именно он стоял у истоков «Черной руки», помогал создавать ее и регулировал ее деятельность. Велась она сугубо под патриотическими и панславянскими лозунгами, пропагандировалась идея «Великой Сербии» в границах XIII-XIV вв. А достижение этой цели было возможно только путем войны – чтобы в нее обязательно вмешалась Россия. Тогда Австро-Венгрия наверняка будет разгромлена, и «Великая Сербия» станет реальностью. Используя возможности военной разведки и ее бюджет, заговорщики создавали террористические структуры в Боснии, Македонии, Болгарии, пропагандировали воинственные настроения в самой Сербии. Одна из газет, контролируемых Дмитровичем, писала: «Война между Сербией и Австро-Венгрией неизбежна. Если Сербия желает жить по чести, она может сделать это только через войну...»

Король Сербии Петр Карагеоргиевич, премьер-министр Пашич подобных взглядов отнюдь не разделяли. «Военную партию» не раз одергивали и русские дипломаты – посол в Белграде Гартвиг, военный атташе Артамонов. Но «Черная рука» имела большое влияние среди офицерства, у нее были свои люди при дворе, в правительстве, скупщине (да ведь и масонские связи играли свою роль) – и власти ничего не могли с ней поделать.

Жертва теракта в Сараево была выбрана не случайно. Франц Фердинанд, наследник престола и главнокомандующий австро-венгерской армии, был в правящих кругах Вены одним из главных противников конфликта с Россией. Его устранение развязывало руки сторонникам войны. Кроме того, он был сторонником предоставления славянским народам империи равных прав с австрийцами и венграми – что могло выбить карты у сербских «великодержавников», чешских и прочих сепаратистов. А для непосредственного участия в теракте была подобрана группа несовершеннолетних мальчишек – по австрийским законам они не подлежали смерт-

ной казни, а гипотетическая победа в войне давала им надежду освободиться из тюрьмы. Все были подданными Австро-Венгрии. Вроде бы, чтобы скрыть подлинных руководителей...

Но вот дальше начинаются странности. Перед покушением юных террористов привозят в Белград. Тренируют в стрельбе – и не где-нибудь, а в тире королевского парка Топчидер. Они получают револьверы и бомбы (сербского производства) не тайно, из рук наставников, а из государственного арсенала в Крагуеваце. Словом, будто нарочно создаются доказательства, что теракт организован Сербией (или правильнее без «будто»?) 2 июля мальчишек нелегально переправляют через границу. А 15 июля в Белграде происходит дворцовый переворот. Военная клика вынуждает короля Петра отречься от престола в пользу его сына Александра – молодого, неопытного, и отчасти находившегося под влиянием заговорщиков.

Проявляются странности и другого рода. Премьер-министр Пашич и посол России Гартвиг имели собственную агентуру и о подготовке к покушению узнали. Оба постарались предотвратить его. Пашич через сербского посланника в Вене предупредил австрийского министра Билинского, что в Сараево эрцгерцогу может угрожать опасность. Гартвиг успел сообщить в Петербург, и министр иностранных дел Сазонов передал предупреждение через румын. Но правительство Австро-Венгрии визит Франца Фердинанда в Сараево не отменило, и должных мер по обеспечению его безопасности почему-то не приняло.

Пацаны из организации «Млада Босна» были вовсе не профессиональными убийцами, ничего толком сделать не умели. Первое покушение предпринял Н. Габринович, кинув бомбу в машину эрцгерцога. Но взрыв искалечил другой автомобиль, переранил часть свиты и зевак, Франц Фердинанд не пострадал. Габринович прыгнул в реку, однако его догнали и поймали. Опасность, вроде бы, осталась позади. Франц Фердинанд был смелым человеком, он не стал прерывать визит. Посетил ратушу, затем решил заехать в госпиталь навестить пострадавших от взрыва. Однако первая машина в кортеже свернула не в ту улицу, за ней автоматически последовала вторая. Выявилась ошибка, произошла остановка. Прямо возле того места, где стоял еще один террорист, Гаврила Принцип...

Кайзер Вильгельм, едва лишь получив сообщение об убийстве, начертал на полях телеграммы «Jetzt oder niemals» – «Теперь или никогда». И приказал Мольтке начать подготовку операции против... Франции. Хотя, казалось бы, при чем тут Франция? А мировая пресса, не только германская и австрийская, но и западная, сразу же принялась нагнетать вокруг теракта международную напряженность. Хотя, казалось бы, еще ничего не было известно, мало ли аналогичных политических убийств случалось, скажем, в России?

Но австрийским властям очень быстро стало известно многое. Молодые люди в Белграде получили не только оружие, а еще и ампулы с цианистым калием. Да только яд «почему-то» оказался некондиционным. Принцип проглотил его, и его всего лишь вырвало. Террористы были захвачены живыми. Смогли назвать членов своей организации, кто их готовил, где и как готовили... 23 июля Австро-Венгрия предъявила Белграду ультиматум. От Сербии требовали чистки офицеров и чиновников, замеченных в антиавстрийской пропаганде, ареста подозреваемых в содействии терроризму. Один из пунктов содержал требование допуска австрийцев к расследованию на сербской территории и к наказанию виновных.

Принять этот пункт Сербия никак не могла. Официально – он нарушал суверенитет страны. Но премьер Пашич знал и другое: если даже дать согласие, австрийцы виновных *найдут*. И это станет отличным предлогом для нового ультиматума. Повод к войне все равно будет, но Сербия окажется в еще более невыгодных условиях. Король Александр воззвал к Николаю II, прося защиты. И царь обратился к европейским державам, предлагая меры по урегулированию конфликта. Но Вена такого урегулирования заведомо не желала, об этом свидетельствует и неоправданно короткий срок, который давался для ответа на ультиматум – 48 часов. Чтобы нельзя было ничего предпринять. Пашич проявил чудеса дипломатического искусства, составляя ответ. Он принял все пункты, кроме одного. Вместо разрешения австрийцам вести рассле-

дование в Сербии предлагал передать вопрос Гаагскому международному трибуналу, заранее обещая подчиниться его решениям.

Но для Австрии было достаточно хоть какого-нибудь формального несогласия. 26 июля она разорвала отношения с Сербией, а 28-го объявила войну и открыла бомбардировку Белграда из тяжелых орудий. Царь пересылался телеграммами с Вильгельмом II, упрасивал добиться от Вены согласия на переговоры. Но все дипломатические шаги Петербурга игнорировались. И когда загрохотали пушки, Николай II решился оказать военное давление. Была объявлена частичная мобилизация Киевского, Одесского, Казанского и Московского округов, а 31 июля – полная мобилизация. При этом российский МИД разослал разъяснения, что мобилизация будет сразу остановлена в случае прекращения боевых действий и созыва конференции.

Однако кайзер использовал именно мобилизацию в качестве повод к конфликту. Объявил об угрозе со стороны России и 1 августа объявил ей войну. Правда, при этом начались такие «нестыковки», которые не лезли ни в какие дипломатические рамки. И вообще в рамки обычной логики не вписывались. Манифест кайзера и вся германская пропаганда кричали об угрозе союзной Австро-Венгрии со стороны русских. Но лавина германских армий ринулась вовсе не на восток, а на запад! И в тот же день, 1 августа, захлестнула нейтральный Люксембург, не способный ни для кого представлять ни малейшей угрозы. Немецкие части ворвались и в нейтральную Бельгию. А 3 августа Германия объявила войну Франции. Ну а Австро-Венгрия, в защиту которой от русских якобы выступили немцы, объявила войну России только 6 августа! На западе гремели бои, а на русско-австрийской границе еще несколько дней царил мир!

В развитии мирового кризиса могла сыграть решающую роль твердая позиция Англии – так же, как это случилось в нескольких предшествующих кризисах. Но в 1914 г. Лондон с какой-то стати проявил просто удивительную нерешительность. Дипломатические демарши предпринимала Россия, подавала голос Франция, а Британия держалась уклончиво и обособленно. Немцев не осаживала, поддержки союзникам не обещала. В кабинете министров и парламенте начались нескончаемые дебаты. Мало того, правительство Великобритании затеяло консультации с США. А полковник Хаус в данном случае как-то очень уж затянул с ответом на запросы Лондона. И в результате кайзер пребывал в полной уверенности, что Англия решила остаться в стороне от схватки. Германский посол в Лондоне Лихневский встретился с министром иностранных дел Греем и подтвердил эти предположения – Англия вмешиваться не будет[189].

Но она все же вмешалась. Только сделала это с серьезным запозданием, 5 августа, когда немцы всю громил бельгийскую армию и предотвратить бойню стало уже невозможно. Для Берлина вступление в войну Британии стало неожиданностью, как и присоединение к Антанте Японии. Если б знали заранее, глядишь, призадумались бы – но, опять же, что-либо менять было поздно. Со своей стороны и Германия привлекала союзников, 2 августа заключила тайный договор с Турцией. Болгария, Италия, Румыния принялись выбирать, к кому выгоднее примкнуть... Вот так началась Мировая война, унесшая 10 млн. жизней, перекроившая политические карты планеты, перевернувшая даже и человеческое сознание, все прежние системы ценностей.

Кому же были выгодны сараевские выстрелы? Очень многим. Но только не Сербии, подвергшейся оккупации и понесшей колоссальные жертвы. И не России. В конечном итоге и не Германской, не Австро-Венгерской империям, желавшим войны, но надорвавшимся и погибшим. Провокация оказалась выгодна победителям – Англии, Франции, США. Оказалась выгодна «финансовому интернационалу», наварившему на войне колоссальные прибыли. Но она была выгодна и российским революционерам. Потому что без войны у них не было никаких шансов захватить власть. И выясняется, что сербские террористы действительно были связаны с некоторыми лицами в российской социал-демократии. Так, исследователи обратили внима-

ние на фигуру Владимира Гачиновича. Он состоял сразу в трех тайных организациях, «Черная рука», «Млада Босна», «Свобода», и именно он являлся идейным руководителем сараевской группы мальчишек-боевиков. Известно, что Гачинович вращался в социалистических кругах, встречался с Троцким, Луначарским, Радеком, Мартовым. Имеются данные, что о подготовке теракта знали и Зиновьев (Радомысльский), Раковский (Раковер, Станчев).

Ну а что касается конкретных людей, чьими руками был создан предлог для войны, то все они плохо кончили. Захваченные австрийскими властями террористы из организации «Млада Босна» предстали перед судом. На Сараевском процессе неопровержимо были доказаны их связи с заговорщиками из сербских спецслужб. Попутно вскрылась и принадлежность некоторых подсудимых к масонству, как и принадлежность к «вольным каменщикам» организаторов теракта из «Черной руки» (доказательства этого, стенограммы допросов приводятся в работах исследователя сараевского убийства д-ра Вихля, директора исследовательского фонда «Национальный разведывательный центр» Е. Павлова и др.). Совершеннолетние обвиняемые Илич, Кубрилович, Иованович были приговорены к смертной казни и повешены. Остальные получили различные сроки тюрьмы, от 3 лет до пожизненного.

Но из всех лиц, задействованных в операции, до окончания войны и победы Антанты не дожил никто. Майор Танкосич и некоторые другие офицеры из «Черной руки» погибли на фронтах. А 16 человек во главе с Драгутином Дмитровичем были арестованы сербским правительством в декабре 1916 г. К этому времени Сербия была полностью разгромлена и захвачена австрийцами. Остатки ее войск были эвакуированы на Салоникский фронт. Распоряжалось на этом фронте французское командование, сербов содержали на положении солдат «второго сорта», пушечного мяса. И сербскому правительству воли не давали, союзные генералы помыкали им как хотели. Но в данном случае снова происходили явления довольно загадочного свойства. Руководство «Черной руки» обвинили в заговоре и намерении открыть фронт австрийцам – что было совершенно нелепо, австрийцев Дмитрович и его товарищи смертельно ненавидели. А французское командование в кои-то веки вдруг не стало вмешиваться в действия сербского правительства и закрыло глаза на явную надуманность обвинений. В начале 1917 г. все арестованные были осуждены и расстреляны.

Юные террористы Принцип, Габринович и Грабеч содержались в одиночных камерах в австрийской крепости Терезиенштадт. И в том же самом 1917 г. они умерли со странной синхронностью, с интервалом в несколько недель друг после друга. Предполагают, что их уморили голодом.

Ну а их руководитель Владимир Гачинович после убийства эрцгерцога сумел скрыться и избежать ареста. В конце 1914 г. он объявился в Париже. В кафе «Ротонда» встретился с Троцким, даже дал ему интервью для «Киевской мысли». Потом Гачинович тайно проживал в Швейцарии, попал в больницу и в августе 1917 г. ушел в мир иной. Почти одновременно со своими соратниками. Все данные говорили о том, что он был отравлен. По одной версии, его устранили австрийские спецслужбы, по другой – французские. И вот что любопытно. К этому времени в среде революционеров про Гачиновича давно забыли, его делишки совершенно заслонили глобальные события войны, падение русского царя. Но один деятель, как оказалось, помнил. Троцкий. Он уже находился в России, сидел в тюрьме после неудачного июльского путча. Но откуда-то узнал о смерти Гачиновича и счел нужным написать некролог. Единственный некролог, опубликованный по поводу кончины этого человека...

Осенью 1918 г., сразу после крушения Австро-Венгрии, при таинственных обстоятельствах исчезли протоколы Сараевского процесса. А в 1919 г., после подписания Версальского договора, австрийцы согласились вернуть сербам их архивы, захваченные в оккупированном Белграде. Но катер, на котором их перевозили по Дунаю, тоже исчез вместе со всеми архивами и командой. Просто не пришел к месту назначения, вот и все. В общем, «концы в воду»...

Стоит отметить еще одну особенность преступления в Сараево. После войны стала усиленно внедряться версия, будто за организацией теракта стоял российский военный атташе полковник генштаба В.А. Артамонов (а стало быть, и сам теракт был инспирирован русскими). Секретные документы из архивов царского военного и дипломатического ведомств, открывшиеся и опубликованные при советской власти, опровергли эту версию. Мало того, они убедительно показали, что Артамонов был решительным противником заговорщиков. И, тем не менее, несмотря ни на какие очевидные опровержения, «артамоновский след» широко утверждался в исторической и политической литературе. О нем писали за рубежом, его перемывал советский историк-троцкист М.Н. Покровский. Данную версию кто-то постарался подсказать и В. Пикулю, она отразилась в романе «Честь имею». Обратите внимание на этот прием. С подобными вещами мы еще встретимся. Тут мы имеем дело с типичной «версией прикрытия», призванной отвлечь внимание историков и широкой публики от истины.

Революция или удар в спину?

В западной литературе считается общепризнанным, будто «слабая» и «отсталая» Россия оказалась не готовой к войне, терпела поражения, надорвалась, что и привело в революции. Это не более чем пропагандистская ложь. Русская армия была вооружена и оснащена гораздо лучше французской или британской, а в тактике и обучении солдат превосходила немцев. Война началась блестящими успехами нашей страны. Россия сорвала германский план Шлиффена, разбила Австро-Венгрию, отобрав у нее Галицию, выиграла два сражения с немцами в Польше, разгромила под Сарыкамышем турок[196].

Но первый катастрофический удар Россия получила вовсе не от противников, а от союзников-англичан. Накопленные запасы вооружения и боеприпасов во всех воюющих государствах оказались недостаточными, и наше военное министерство разместило заказ на 5 млн. снарядов, 1 млн. винтовок, 1 млрд. патронов, 8 млн. гранат, 27 тыс. пулеметов, и другие виды оружия на британских заводах «Армстронг и Виккерс». Этого должно было хватить на летнюю кампанию. И заказ был принят с отгрузкой в марте 1915 г., но не выполнен вообще, причем русских даже не сочли нужным предупредить об этом заранее[189]. Результатом стал жестокий «снарядный голод», «винтовочный голод» – и «великое отступление», врагу пришлось оставить Польшу, часть Прибалтики, Белоруссии, Украины.

Тем не менее, Россия и с этим справилась. Причем без помощи союзников, собственными силами. В годы войны она совершила гигантский промышленный рывок, по масштабам своего времени сопоставимый с рывком 1941-1945 гг. Производство снарядов удалось увеличить в 20 раз, винтовок в 11 раз, орудий – в 10 раз, по их выпуску наша страна обогнала и Англию, и Францию[164, 189]. Уже в 1916 г. положение с оружием и боеприпасами нормализовалось, и поражения на фронтах снова сменились победами. Но война облегчила и ускорила раскачку России изнутри.

Страна оказалась буквально насквозь пропитана неприятельской агентурой. Как уже отмечалось, германские спецслужбы использовали в качестве «крыш» немецкие фирмы в России. А таковых только в Москве насчитывалось свыше 500! Перед войной некоторые из них переоформились на фиктивных российских владельцев, в других руководители-немцы выехали на родину, оставив вместо себя русских управляющих, продолжавших получать указания от германских владельцев (например, в компании «Симменс Шуккерт» управляющим стал большевик Красин). Немцами контролировались несколько крупных банков, все ведущие страховые компании, ряд газет[129]. Кроме того, Центральные Державы делали ставку на сепаратистов. Австро-Венгрия подкармливала украинских националистов, Германия – польских, прибалтийских, финских, грузинских, создала «Комитет освобождения евреев России», из Турции распространялся пантюкизм.

Весной 1915 г. Парвус представил правительству Германии план по координации и централизации всех сил, способных подрывать устои нашей державы. План был одобрен, началось щедрое финансирование. Центры, через которые осуществлялась эта работа, были созданы в Копенгагене и Стокгольме. Через «отмывочный» «Ниа-Банк» Олафа Ашберга деньги переводились в Россию в Сибирский банк. Компаньонами Ашберга стали большевики и германские агенты Ганецкий (Фюрстенберг), Красин. Запасной канал, через Норвегию, курировала Коллонтай. В России получением и распределением финансов занимался ее любовник Шляпников. И по нарастающей покатились волны забастовок, демонстраций... Через других агентов – Платтена, Моора, Радека, Парвус поддерживал Ленина и прочих эмигрантов в Швейцарии. Через резидента в Румынии Раковского переводил деньги Троцкому, издававшему в Париже газету «Наше слово».

Однако в России действовали агенты не только противника, но и «дружественных» держав. Впрочем, многие из них отнюдь не осознавали себя чьими-то агентами. Либералы, думская оппозиция в разгар войны развернули борьбу за «демократию», за реформы по западным образцам – в чем получали неприкрытую поддержку правительств и дипломатов Англии и Франции. Ничего удивительного в этом не было. Точно так же, как сербские масоны, искренне считая себя патриотами, стали инструментом «мировой закулисы» для развязывания войны (и обрушили на свой народ неисчислимые бедствия), так и российские либералы в самозабвенном ослеплении были уверены, что действуют на пользу России, что демократические «свободы» откроют ей еще более благоприятные возможности для развития и вознесут к еще большему могуществу. С лета 1915 г. Дума и либеральная печать развернули ожесточенные атаки на власть.

Облегчалась подрывная работа вовсе не «тиранией», а, наоборот, слабостью царской власти. Россия была единственной воюющей державой, чей тыл жил по законам мирного времени. Рабочие могли бастовать сколько влезет, думцы – говорить с трибун что угодно, газеты – печатать все, что им оплатят. Русская контразведка прекрасно знала все банки и фирмы, превращенные в гнезда германской агентуры, но ничего не могла с ними поделать в рамках существующего законодательства. И образовался некий замкнутый круг. Мобилизовать тыл, ввести законы военного времени ни за что не позволила бы Дума. А разогнать Думу царь не мог, поскольку за нее горой стояли союзники. Откровенно брали ее под покровительство, поощряли оппозиционные выходы, лезли во внутренние дела нашей страны, шантажируя прекращением кредитов и поставок. И царь не хотел ссориться с иностранцами, не хотел ссориться со своей «общественностью», шел ей на уступки, снимая неугодных ей министров – но и новые министры оказывались неугодными. Началась настоящая чехарда, когда за год сменились 4 премьера, 4 министра внутренних дел, 3 министра иностранных дел, 3 военных министра...

Во Франции и Англии малейших доказательств шпионажа было достаточно для смертной казни. Но в России подходили гораздо мягче. Думскую фракцию большевиков, пропагандировавшую идеи поражения своего Отечества, всего лишь сослали в Сибирь (причем Дума устроила бурные протесты). После бунта на линкоре «Гангут» была раскрыта обширная подпольная организация на Балтфлоте. Лишь двоих руководителей приговорили к смерти, да и то помиловали, заменив каторгой. Другие отделались разными сроками заключения и даже ссылки (в мирный и безопасный тыл!) А большинство арестованных, в том числе будущего кровавого вожака Дыбенко, вообще не судили, создали матросский батальон и отправили искупать вину на фронт, под Ригу. Батальон отказался воевать, не выполнял приказов и принялся разлагать солдат соседних частей. И... как думаете, наказали их? Нет. Просто расформировали батальон, а матросов... вернули на свои корабли. В 1916 г. Дыбенко снова поймали на подрывной агитации. Приговорили к... 2 месяцам заключения и оставили на флоте. Вот и судите, может ли выиграть войну государство, действующее подобным образом?

Положение попытался изменить начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев. Летом 1916 г. он разработал проект диктатуры тыла. Куда там! Думские лидеры во главе с М.В. Родзянко узнали об этом, надели на царя и провалили проект[150, 151]. Алексеев сумел добиться учреждения особой следственной комиссии по борьбе с саботажем и экономическими диверсиями под началом генерала Н.С. Батюшина. Улик у контразведчиков уже накопилось хоть отбавляй, и как только им развязали руки, в короткий срок были арестованы банкир Рубинштейн, родственники Троцкого Животовские, промышленники Шапиро, Раухенберг, Шполянский, сахарозаводчики Бабушкин, Гепнер, Добрый. Контрразведка произвела обыски в фирме Нобеля, Внешторгбанке, Международном банке. При этом нашли циркуляры германского генштаба № 2348 и 2348-бис, хранившиеся наряду с деловыми бумагами, инструкции Макса Варбурга[129].

Но против комиссии Батюшина дружно выступила вся «общественность», ее обвинили в мыслимых и немыслимых грехах, смешали с грязью. Российские банкиры и промышленники обратились к царю, прозрачно намекая, что не время ссориться с их кастой. Возмутился и Запад, квалифицировав аресты как ... «еврейский погром»[158]. И Николай II повелел закрыть дела. Хотя даже это было использовано против него! Представлялось как доказательство, что царь с царицей покрывают изменников и шпионов.

Словом, получалось, что противники России и ее «друзья» играют в одни ворота. И это было действительно так! Например, история с «германским золотом» для большевиков, которое поступало от Макса Варбурга через «Ниа-банк» Олафа Ашберга, в наше время уже хорошо известна. Однако почему-то никто не задается элементарным и вполне логичным вопросом – да откуда же у Германии могло быть в таких количествах «лишнее» золото? Она ведь еще до 1914 г. израсходовала колоссальные средства на свое вооружение, она вела тяжелейшую войну на нескольких фронтах, при этом закупала за рубежом сырье, продовольствие, помогала деньгами и снабжением своим союзникам Турции, Болгарии, Австро-Венгрии. А революции – дело дорогое. На это были затрачены сотни миллионов.

И лишь в недавнее время ряд исследователей обратил внимание, что к 1917 г. огромные избыточные наличные средства имелись только в одной стране. В США, которые непрерывным потоком получали прибыли в оплату за поставки воюющим государствам. По особенностям германской финансовой системы правительство давало поручение частным банкам (с обязательством потом расплатиться) – и если они принимали поручение, кайзера и его министров не волновало, где они возьмут средства. Ну а братом Макса Варбурга, напомним, был Пол Варбург – вице-президент Федеральной резервной системы США и компаньон фирмы Шиффа. Еще одним компаньоном в банке «Кун и Лоеб» был третий брат, Феликс Варбург, женатый на дочери Шиффа. А четвертый, Фриц Варбург, работал в Стокгольме при Ашберге[158]. Удобно разместились, правда? А представитель боковой ветви того же семейства, Отто Варбург, известный ученый-ботаник, имел большой вес в МИД Германии. И являлся президентом Всемирной сионистской организации...

«Вклад» Якова Шиффа в российскую революцию его внук позже оценивал в 20 млн. долл. (тогдашних – около 400 млн. долл. нынешних)[158]. Британский банкир Мильнер вложил в нее 10,5 млн. долл.[110]. Видный историк Э. Саттон, сумевший получить доступ ко многим любопытным документам американских архивов, приводит доказательства, что в финансировании революции принимали также участие Морган и ряд других банкиров. Иногда деятельность Шиффа, Пола Варбурга, Ашберга и пр. историки расценивают в качестве «прогерманской». Но это неверно. Прогерманской в прямом смысле не была даже работа Макса Варбурга, Парвуса, австрийских Ротшильдов и иже с ними. Это была политика «мировой закулисы», согласно которой монархиям Германии, Австро-Венгрии, Турции тоже предстояло пасть, но позже – после России. И именно в рамках этой политики в США к началу 1916 г. вызрел и начал проводиться в жизнь «план Хауса».

Задействованы в нем были не только американские политики и спецслужбы. Одним из ближайших сподвижников Хауса стал резидент британской разведки МИ-6 в США Вильям Вайсман. Нет, он был не простым шпионом типа Джеймса Бонда. До войны Вайсман был банкиром, и в 1916 г. его направили в Америку с особой миссией и очень большими полномочиями. Официально ему ставилась задача по втягиванию Соединенных Штатов в войну на стороне Антанты. Но за океаном он близко сошелся с американскими финансовыми кругами, особенно с Отто Каном из компании «Кун и Лоеб». А из политиков Вайсман сразу же нашел общий язык с полковником Хаусом. Оказалось, что взгляды по всем ключевым вопросам у них совпадают, и они спелись душа в душу. Через Вайсмана политика Хауса согласовывалась с правящими кругами Англии. (Хотя на кого в большей степени стал работать британский резидент, неизвестно. Во всяком случае, после войны против него были выдвинуты серьезные

обвинения, и он предпочел на родину не возвращаться. Остался в Америке, где был принят все в ту же фирму – «Кун и Лоеб»[173]).

В период войны в Америке начинает формироваться «своя» группировка российских революционеров, независимая от швейцарской. Теоретически попасть сюда было для эмигрантов не так-то просто. Проезд за океан стоил недешево, не каждому по карману, а в связи с наплывом беженцев из Старого Света получить визу и вид на жительство тоже было проблемой, не говоря уж о возможности найти работу. Но революционеры в США попадали. Даже можно отметить, что сюда специально отбирали тех, кого считали нужными. Так, по заданию германских спецслужб в Штатах побывала Коллонтай, выступала на рабочих вечерах и митингах с русофобскими речами. И кому-то понравилось, ее пригласили в Нью-Йорк. Очутился здесь и Ларин (Лурье), один из ближайших сотрудников Парвуса. Как-то очень уж легко перемалхнул из Швейцарии в Америку, через несколько границ, Бухарин. Молодой, еще малоизвестный партийный теоретик – но обладавший одним особым качеством. Он был масоном.

Показательна и история с Троцким. В 1916 г. случился бунт среди солдат русского экспедиционного корпуса во Франции. Выяснилось, что среди них распространялась газета Троцкого «Наше слово» (выходившая, подчеркнем, без всяких препятствий со стороны французских властей). Разразился скандал, царское правительство потребовало выдачи Льва Давидовича как российского подданного. Однако у него в Париже нашлись влиятельные покровители вплоть до депутатов и министров, и его решают выслать в Швейцарию. Но вместо Швейцарии высылают почему-то в Испанию, причем на границе, как пишет сам Троцкий, сопровождающие жандармы обменялись масонскими знаками[182]. Из Испании он готовится ехать в Швейцарию, сообщает об этом оставшейся во Франции жене. Однако из Парижа на него вдруг поступает донос, испанские власти его снова арестовывают и... приговаривают к высылке в США. Правда, у Троцкого нет денег, но и они неожиданно находятся, он с супругой и детьми отплывают пассажирами первого класса[173]. А в Нью-Йорке их встречает некий Артур Конкорс. Один из руководителей «Общества по предоставлению убежища евреям и поддержке иммигрантов» – учредителем и патроном этой организации являлся Яков Шифф...

Порой тайные связи обнаруживают такие хитросплетения, что остается только руками развести. Допустим, дядя Троцкого Абрам Животовский был компаньоном Сибирского банка (который, по данным русской контразведки, контролировался немцами), а также крупным акционером «Русско-Азиатского банка» Путилова. И при этом находился в тесных контактах с владельцем «Ниа-банка» Олафом Ашбергом, создал с ним совместную «Шведско-Русско-Азиатскую компанию»[177]. Животовский направил своего делового представителя и в США. И этим представителем был не кто иной как Соломон Розенблюм, более известный под псевдонимом Сидней Рейли. Бизнесмен и одновременно супершпион, работавший на резидента МИ-6 Вильяма Вайсмана и ставший у него главным консультантом по русским делам[173].

Офис, где Рейли вел деловые операции, находился в Нью-Йорке по адресу Бродвей-120. На верхнем этаже этого дома располагался фешенебельный банкирский клуб, где собирались Шифф, Морган, Кан, Варбурги, Барух, Маршалл, Гугенгейм и прочая подобная публика. А в одном кабинете с Рейли работал его компаньон Александр Вайнштейн. Тоже приехавший из России, тоже связанный с британской разведкой – и устраивавший в Нью-Йорке сборища российских революционеров. Ну а брат Александра, Григорий Вайнштейн, был владельцем газеты «Новый мир» – где сотрудничали Бухарин, Коллонтай, Урицкий, Володарский, Чудновский. А редактором газеты по приезду в Америку стал Троцкий. Мало того, по указанному адресу, Бродвей-120, располагалась банковская контора Вениамина Свердлова, и они с Рейли были закадычными друзьями[173]. Не слишком ли много «совпадений», как вы считаете?

Уж конечно, имея столько «общих знакомых», британский резидент Вайсман попросту не мог пройти мимо фигуры Троцкого. Известно, что им был разработан особый план «Управление штормом», согласно коему следовало влиять на события в России через «своих»

людей. Позже Вайсман напишет труд «Разведывательная и пропагандистская работа в России», где уклончиво упомянет, что «один из наших американских агентов, очень известный интернациональный социалист, ... был сразу же принят большевиками и допущен на их собрания»[173]. По всем признакам под характеристики этого «интернационального социалиста» подходит только один человек. Лев Давидович Троцкий.

Словом, в заговоре против России были задействованы самые различные силы и структуры, зачастую не знавшие друг о друге или считавшие друг друга противниками. И можно отметить одну многозначительную особенность Февральской революции – она стала полной неожиданностью и для большевиков, и для немцев, и для думской оппозиции[100, 150]. Потому что и те, и другие, и третьи способствовали раскачке страны и подрыву устоев власти, но саму революцию не делали ни большевики, ни немцы, ни либералы-думцы. Зато в ней активно поучаствовали дипломаты и спецслужбы Англии и Франции. Заговорщики, готовившие переворот, были тесно связаны с послами этих держав Бьюкененом и Палеологом.

Определяющим фактором стало и то, что у антироссийской «закулисы» имелись агенты и эмиссары не только в Думе, не только в оппозиционных политических партиях. «Оборотни» действовали и в окружении Николая II. Но отнюдь не царица, не Распутин, не «заговор генералов» во главе с Алексеевым. Все это – «версии прикрытия». Сплетни о «немке-царице», о влиянии на царя Распутина широко распространялись заговорщиками, оппозиционерами и иностранцами, чтобы подорвать авторитет императора и монархии. И точно так же, как после теракта в Сараево была запущена версия про полковника Артамонова, так после Февраля была сфабрикована история о «военной ложе» и Алексееве. Характерно, что озвучили ее сами масоны-заговорщики, Львов и Гучков, опорочив таким способом память Алексеева, отомстив ему за попытки противодействовать им, за комиссию Батюшина и т. д. Ну и, разумеется, отвлекая внимание от истинных теневых участников операции.

А они были. Например, министр финансов Петр Барк. «Финансовый гений», с 1914 г. ухитрявшийся заключать с союзниками договоры о кредитах, но на странных и крайне невыгодных условиях. Займы требовалось «обеспечивать» отправками в Англию русского золота. По этим договорам за время войны было вывезено золота на 640 млн. руб. – и поневоле напрашивается мысль, не это ли золото после «отмывок» в Британии, США, Германии и Швеции шло под маркой «германского» на финансирование революции? Кстати, когда Троцкий очутился в Испании в тюрьме и с пустыми карманами, хлопотал за него (по донесениям французской разведки) и передал деньги на проезд в Америку Эрнест Барк, племянник российского министра.

По протекции Петра Барка 2 января 1917 г., буквально накануне революции, впервые в России было открыто петроградское отделение американского «Нэшнл Сити-банка». А первым клиентом стал один из главных заговорщиков, Терещенко, получивший кредит в 100 тыс. долл. Исследователь русско-американских финансовых отношений С.Л. Ткаченко с удивлением отмечает, что кредит в истории банковского дела был совершенно уникальным: без предварительных переговоров, без указания цели займа, обеспечения, условий погашения. Просто дали крупную сумму наличной валюты, и все[177].

Другим теневым участником являлся министр внутренних дел Протопопов, клавший под сукно доклады полиции о заговоре, на несколько дней задержавший информацию в Ставку царю о беспорядках в столице, а в критический момент инициировавший «самороспуск» правительства, что вызвало в Петрограде паралич безвластия. «Оборотнем» был и товарищ¹ министра путей сообщения Ломоносов, загнавший поезд Николая II вместо Царского Села к заговорщикам в Псков. Был и еще кто-то среди ближайших советников царя – обеспечив, скажем, удивительную «непотопляемость» Барка – при правительственной чехарде, когда один за дру-

¹ Заместитель.

гим слетали премьеры и переформировывались кабинеты, Барк оказался единственным из министров, сохранившим свой пост в течение всей войны!

«Откровениями» о «военной ложе» и пр. требовалось замаскировать и участие в русской революции внешних сил. А оно было очень значительным. Вряд ли можно считать случайностью, что в конце 1916 г. произошли вдруг значительные изменения в британском правительстве. Ушли в отставку Асквит, Грей и другие политики. Те самые политики, которые в свое время налаживали союзнические отношения с Россией, связали себя определенными соглашениями с ней, обещаниями, договоренностями. Премьер-министром стал ярый русофоб Ллойд Ллордж, а пост военного министра занял уже «знакомый» нам банкир и глава «Великой ложи Англии» лорд Мильнер.

Известно, что в начале 1917 г. Россию посетил по неким «делам» Сидней Рейли. А на межсоюзническую военную конференцию, состоявшуюся в Петрограде в январе-феврале, прибыл и сам Мильнер. Имеются сведения, что он привез с собой весьма крупные суммы денег. В свиту Мильнера входили разведчики, которым вскоре придется действовать в революционной России – Локкарт, Кроми. И отель «Франция», где расположилась британская делегация, стал настоящим «штабом», где готовилась и заваривалась крутая каша. Здесь неоднократно видели заговорщиков Львова, Терещенко. А.А. Гулевич приводит доказательства, что как раз агенты английского посла Бьюкенена всего через три дня после отъезда из России Мильнера спровоцировали в Петрограде «хлебные» беспорядки[158].

Приложили свою руку и американцы. Посол США в Германии Додд впоследствии сообщил, что в событиях Февраля важную роль сыграл представитель Вильсона в России Крейн, директор компании «Вестингауз Электрик». И когда революция свершилась, Хаус писал Вильсону: «Нынешние события в России произошли во многом благодаря Вашему влиянию»[6].

Да уж, влияние было несомненным. После того, как Николая II обманом вынудили отречься и обманом же подсунули ему на подпись список правительства, «легитимность» новой власти обеспечила отнюдь не всенародная поддержка. Ее не было, всенародной. Нет, «легитимность» Временного правительства обеспечило мгновенное признание со стороны Запада. США признали его уже 22 марта, известный американист А.И. Уткин отмечает: «Это был абсолютный временной рекорд для кабельной связи и для работы американского механизма внешних сношений»[189]. 24 марта последовало признание со стороны Англии, Франции, Италии. Так как же русским можно было сомневаться, если «весь мир» признал новое правительство вполне законным?

Скрытые механизмы Октября

Нет, конечно же, никакие иностранные агенты и заговорщики не смогли бы так запросто сокрушить могучее государство и взбаламутить многомиллионный народ. Но дело в том, что к началу трагических переломных событий страна и народ оказались уже тяжело больны. Бациллы этой болезни тоже внедрялись извне, с Запада. Поражали они русских далеко не сразу. Но зараза распространялась постепенно, несколько столетий. Модные теории, «свободные» нравы, идеи либерализма... Заболевание охватывало Россию «с головы», сверху. Аристократия, дворянство, так называемые культурные слои общества привыкали ориентироваться на Европу, зарубежные взгляды и оценки становились образцами для подражания, воспринимались как «общепризнанные» аксиомы.

Основным прикрытием для идеологических диверсий стало «просвещение» (а «просвещению» в масонстве отводилась очень важная роль, оно противопоставлялось религии). И готовым каналом для заражения России либерализмом стала утвердившаяся в нашей стране западническая система образования. За основу брались все те же европейские стандарты и теории – и наряду с гуманитарными и техническими науками интеллигенция получала иные «добавки»: проникалась комплексами «национальной неполноценности», привыкала считать зарубежное «передовым», а свое – «отсталым». А отсюда виделась прописной истиной необходимость реформ по чужеземным образцам.

Вовсе не случайно очагом либерального духа становилась профессорско-преподавательская среда. Сеяла в душах молодежи семена вольнодумства, атеизма, сомнений. Эти семена соединялись с обычным юным фрондерством и давали обильные всходы. Соблазны «свобод» кружили головы похлеще вина, очернительство власти, законов, отечественных традиций становилось признаком хорошего тона. Внедрилось деление всех явлений общественной жизни на «прогрессивные» и «реакционные». Причем новое, революционное, разрушительное относилось к «прогрессивному», читай – хорошему. А все, что служило стабилизации российской действительности, оказывалось «реакционным».

Студенты, нахватавшись подобных идей, становились учителями – и несли их своим ученикам. В том числе рабочим, крестьянам. В 1870-х движение народников быстро заглохло, интеллигенты-агитаторы, сунувшиеся «будить народ», оказывались для русских людей чужеродными смутьянами. Их без долгих разговоров вязали и сдавали властям. Но в рабочие вечерние школы приходил не агитатор, а учитель – о котором заведомо знали, что он должен научить уму-разуму. И в сельскую земскую школу приезжал учитель, начитавшийся модных атеистических книг Ренана, восторгавшийся древнегреческой демократией и «великой французской революцией», выписывающий либеральные газеты. Этот учитель выглядел для детишек более эрудированным и знающим, чем родители, чем скромный деревенский священник.

Да, страна была больна. В катастрофическом 1906 г. была созвана Дума, началась эпоха «парламентаризма». Но первое, чего потребовали «народные избранники», – всеобщей политической амнистии! В России лилась кровь, террористы нагло убивали слуг государства и невинных граждан, а депутаты с пеной у рта голосовали за освобождение тех преступников, которых удалось поймать. И гимназисты, студенты, интеллигенция восхищались такими «избранниками». Зачитывались оппозиционными газетами. Восхищались и революционерами, на заседаниях судов устраивали им овации. Прятали их, снабжали документами. С гневом обрушивались на «черносотенцев», объявляли обструкции патриотам, обливали презрением полицейских и казаков...

Поветрие либерализма охватило и высшую аристократию, чиновничество. Министры и губернаторы заигрывали с «общественностью», во всем шли ей навстречу, стыдясь прослыть «реакционерами». Патриотические организации вроде Союза Русского народа всячески при-

теснялись, их деятельность перечеркивалась препонами властей. Либерализм проник даже в Церковь. Пастыри старались согласовывать свои проповеди с «прогрессом». Синод и высшие иерархи утверждали терпимость к антироссийским (и явно антиправославным) учениям. А священники, проявляющие принципиальность, обвинялись в «черносотенстве» и подвергались гонениям[58].

Устои Православия расшатывались и слабели. Красноречивый пример – весной 1914 г. из 16 выпускников Иркутской духовной семинарии принять священнический сан решили лишь 2, а из 15 выпускников Красноярской семинарии – ни одного![24] Остальные предпочли пойти по гражданской части – учителями, чиновниками, земскими деятелями. Интеллигенция стала считать Веру в лучшем случае «красивой народной традицией», благодаря которой можно поумилаться на Вербное воскресенье, весело похристосоваться на Пасху, поздравить друг друга с Рождеством. В худшем случае относили к «пережиткам», тормозящим «прогресс». Такое отношение начало проникать и в простонародье: Сергей Есенин хвастался в своих автобиографиях, как пропускал службы в церкви, выданные на это деньги присваивал и научился так же, как священник, вырезать серединки из просфор, чтобы обмануть бабушку.

Принято восхищаться «Серебряным веком русской культуры» – но и культура была больной. Она погрязла в декадентстве, эротике, темных душевных надломах. Кумирами молодежи становились сатанист Брюсов, отвергший Бога и взывавший к нечистому Соллогуб, теософ и антропософ Андрей Белый, член ложи розенкрейцеров Блок – они владели умами, над их фотографиями рыдали, их стихи переписывали друг у друга...

А среди рабочих и крестьян плевели чужеземной заразы проявлялись ростом эгоизма и эгоцентризма. Они считали себя патриотами – и еще готовы были растерзать любого, кто осмелился бы поднять голос против России. Но ничуть не считали зазорным бастовать во время войны, требуя повысить зарплату. Хотя зарплата у них была самой высокой по сравнению с другими воюющими государствами – а день забастовки на одном лишь Металлическом заводе в Питере недодавал фронту 15 тыс. снарядов. Уже не считали зазорным прикидывать – а хорошо бы и впрямь переделить собственность как-нибудь «посправедливее». И люди оказались уже доступными для соблазнительных идей «земного рая».

Все это вместе обеспечило успех Февральского переворота. Церковь промолчала. Народ в большинстве промолчал. Ошарашенный, сбитый с толку – но кто знает, может, и впрямь так получится лучше, богаче, «свободнее»? А интеллигенция, учащиеся, значительная часть офицеров (офицеры военного времени были той же интеллигенцией, призванной из запаса) бурно приветствовали Февраль, цепляли красные банты, поздравляли друг друга – наконец-то «прогресс» восторжествовал над «реакцией», наконец-то «свобода», наконец-то в России будет так же, как на Западе...

Впрочем, и это было обманом. «Прогрессивная общественность» приветствовала победу «демократии» – и до сих пор в исторической литературе утверждается, будто Февральская революция принесла России демократию. Но подобные утверждения выдают лишь полную некомпетентность авторов (или бездумное переписывание из одного источника в другой). Потому что в действительности Временное правительство было куда более диктаторским, чем царское. Оно сделало то, на что не решался Николай II – распустило Думу. Кучка заговорщиков, дорвавшихся до руля государства, сосредоточила в своих руках и законодательную, и исполнительную, и верховную власть. И сама в узком кругу решала, кого допустить в свою среду, кого отправить в отставки. Однако русская интеллигенция, загипнотизированная лозунгами «свобод», этого не замечала. Павда, ей-то простительно – но и западные правительства, дипломаты, «общественность» столь вопиющих фактов почему-то не замечали, признавали правление масонов-временщиков вполне «демократическим».

Революция освободила из тюрем и ссылок всех заключенных – скопом, политических и уголовников. Открыла пути на родину и для эмигрантов из-за рубежа. Но у них возникли

немалые формальные трудности – война-то не закончилась, Европа была перечеркнута фронтами. И при возвращении революционеров в Россию мы опять видим явные черты хорошо спланированной операции. Агенты Парвуса Платтен, Моор, Радек (а с ними и Крупская) уговаривают Ленина ехать через Германию. А у Троцкого возникает другая проблема. Его путь из Америки лежал через зоны морского контроля Англии и Франции, а в досье их контрразведок Лев Давидович значился немецким агентом. Но решилось все очень легко – Троцкий тут же получил американское гражданство и паспорт США! Мгновенно! Это могло быть сделано только на самом высоком уровне, и имеются свидетельства, что паспорт был выдан по указанию президента Вильсона[158] – очевидно, не без участия Хауса и Вайсмана.

Ленин и Троцкий отъезжают в Россию одновременно, 27 марта. Но сразу вслед за этим происходит странная история. Британские власти без всяких вопросов, весьма любезно выдают Льву Давидовичу транзитную визу – и, тем не менее, в первом же канадском порту, Галифаксе, его и пятерых спутников (Чудновского, Мухина, Фишелева, Романченко, Мельничанского) арестовывают как агентов Германии. А через месяц Госдепартамент США вдруг вступает за своего гражданина, вмешивается и посольство Великобритании в Вашингтоне, и, к удивлению контрразведчиков, Троцкого с компанией освобождают.

Зачем нужны были подобные игры? Чтобы понять это, целесообразно привести сравнение с ситуацией 1905 г. Как уже отмечалось, Льва Давидовича тогда лично опекали Адлер, Парвус, Красин, со всеми удобствами доставили в Россию, протолкнули в Петросовет. А вот Ленину такого внимания оказано не было. Он дольше чем нужно задержался за границей, потом его заставили безрезультатно торчать в Стокгольме, ждать курьера с документами. И в Россию он попал к «шапочному разбору», когда все руководящие посты были заняты, и он оказался не у дел. Ясное дело, что на роль лидера революции продвигался не он, а Троцкий.

В 1917 г. было наоборот. Так же, как в 1905 г. «тормознули» Ленина, так в 1917 г. предпочли «тормознуть» Льва Давидовича. На этот раз первым должен был приехать и стать вождем революции Ленин – именно проследовавший через Германию! «Запачканный» этим шагом, маркированный в качестве «германского ставленника». Западные теневые круги готовились сокрушить Россию, но свалить вину требовалось сугубо на немцев. И Троцкого арестовали, чтобы его тоже представить немецким ставленником, выпятить «германский след» и скрыть англо-американский.

Владимир Ильич на родине получает действенную помощь. По сути, из различных группировок социал-демократии ему требовалось создать совершенно новую партию. Опорой станут его сторонники типа Сталина, Дзержинского, но этого оказывается недостаточно. В России все бурлит, местные и прибывшие из-за рубежа революционеры действуют кто во что горазд, не желая признавать друг друга. Но для поддержки Ленина Парвус создает в Стокгольме штаб из Ганецкого, Семашко, Воровского, Радека, в Петроград заранее направляется Александра Коллонтай, готовит почву, агитирует матросиков Дыбенко и прочую вольницу. А на роль «правой руки» Владимиру Ильичу услужливо подсовывают Якова Свердлова. Настоящего гения организации, который проявляет подлинные чудеса, формируя «из ничего» партийные структуры, хитроумными ходами нейтрализует конкурентов и обеспечивает победы над ними.

Но и Троцкого покровители не забывают. И месячную «фору» ему вполне компенсируют. Для него готовит почву в Питере прибывший заранее Ларин-Лурье. Из Сан-Франциско во Владивосток целыми пароходами направляются тысячи «интернационалистов» – они становятся ядром группировки Троцкого, «межрайонцев». А сформировать дееспособную организацию ему помогают те же самые люди, которые обеспечили это для Ленина, – Свердлов, Коллонтай. Что ж тут удивительного, если заказчики были одни и те же? Правда, Владимир Ильич и Лев Давидович 14 лет были врагами. Но теперь заказчикам требовалось, чтобы они прекратили ссоры и действовали вместе. Наведением мостов занимаются Свердлов и «ленинец» Каменев –

родственник Троцкого. А объединение большевиков с межрайонцами происходит на VI съезде партии, без обоих лидеров, когда Ленин после провала июльского путча прячется в Разливе, а Троцкий сидит в тюрьме.

В скатывании России от Февраля к Октябрю самое деятельное участие опять приняли иностранцы. Правда, нужно помнить, что далеко не все политики и дипломаты Антанты были причастны к этим делам. И степень их допуска к тайнам была различной. Даже когда мы говорим о влиянии «мировой закулисы», подобное обобщение не всегда справедливо. До определенного предела позиции и цели тех или иных зарубежных кругов совпадали. Но у этих же кругов имелись и собственные интересы, отличные друг от друга и даже противоречащие друг другу. Так, для французской и части британской «закулисы» цели подрывных акций оказались уже достигнуты в ходе Февральской революции. Россия была ослаблена. Во главе государства очутились правители, куда более послушные, чем царь и его министры – заглядывающие в рот зарубежным «наставникам», готовые заключать кабальные договоры, раздавать концессии. При дележке плодов победы восточную союзницу теперь можно было обойти. Следовательно, представлялось целесообразным стабилизировать положение в России, чтобы с ее помощью завершить войну.

Но высшие круги политической и финансовой элиты США и Англии продолжали выполнение «плана Хауса». Да, при таком развитии событий победа в войне откладывалась. На фронтах должны были пролиться дополнительные моря крови, пасть еще сотни тысяч французов, англичан, американцев. Но и выигрыш обещал быть колоссальным... Для дальнейшего обвала России была применена «ступенчатая» схема. Либералы-заговорщики по главе со Львовым наломали дров сколько смогли – после чего союзники надавили на них, вынудив уступить власть еще более радикальным «реформаторам» во главе с Керенским. А на смену им уже подталкивались большевики.

Интриги вокруг России летом и осенью 1917 г. представляются весьма красноречивыми. Когда Корнилов предпринял попытку навести в стране порядок, он сперва получил горячую поддержку в Лондоне и Париже, его сторону приняли британские и французские дипломаты в России. Но посол США в Петрограде Френсис блокировал их демарши. И в правительствах Антанты в последний момент что-то неожиданно изменилось, послам пошли новые инструкции, и они вдруг резко изменили позицию, вместо Корнилова поддерживали Керенского. В дальнейшем дипломаты Антанты во главе с Бьюкененом старались нажать на Керенского, внушая ему необходимость действовать решительно и расправиться с большевиками. Однако и эти шаги неизменно срывал Френсис, и Бьюкенен жаловался в Лондон, что посол США саботирует выработку «общей политики Запада в отношении кабинета Керенского», что «американцы играют в собственную игру»[189].

А кроме официальных представителей иностранных держав, действовали неофициальные. Так, в Россию прибыла американская миссия Красного Креста. Дело вроде бы хорошее, благородное, правда? В войну – Красный Крест... Но состав миссии был, мягко говоря, странным. Из 24 ее членов лишь 7 имели какое-то отношение к медицине. Остальные – представители банков, крупных промышленных компаний и разведчики. Возглавлял миссию Уильям Бойс Томпсон, один из директоров Федеральной резервной системы США. Его заместителем был полковник Раймонд Робинс.

При миссии состояли и такие личности, как Джон Рид, не только журналист и автор панегирика Троцкому «10 дней, которые потрясли мир», но и матерый шпион. Он «оказывал услуги» американскому правительству еще в мексиканскую революцию, в 1915 г. арестовывался русской контрразведкой за связи с сепаратистами, но под давлением госдепартамента и посольства США пришлось отпустить. В 1917 г. в России он снова «оказывал услуги» правительству и по возвращении на родину передал в госдепартамент «свои заметки и информацию, полученные благодаря связи с Львом Троцким»[158]. При миссии Красного Креста состояло

также трое секретарей-переводчиков. Капитан Иловайский – большевик, Борис Рейнштейн – позже стал секретарем Ленина, и Александр Гомберг – в период пребывания Троцкого в США был его «литературным агентом». Нужны ли комментарии?

Осенью 1917 г. полковник Робинс стал одним из ближайших советников Керенского. Британский атташе Нокс доносил, что его влияние на министра-председателя «чрезвычайно растет», и он внушает Керенскому «очень опасные идеи»[189]. Уильям Б. Томпсон в мемуарах отмечал, что миссия Красного Креста, кроме того, «осуществляла свою деятельность через доктора Соскиса» – секретаря и помощника Керенского (по «совпадению» открывшему в эти же месяцы весьма крупный счет в петроградском отделении «Нэшнл Сити банка»[177]). Ну а еще одним очень близким доверенным лицом Керенского стал Сомерсет Моэм – будущий великий писатель, а в то время секретный агент британской МИ-6, подчинявшийся резиденту в США Вайсману[189]. Стоит ли удивляться, что при таких советниках министр-председатель принимал худшие из решений и власть досталась большевикам почти без борьбы?

Да и вообще были ли попытки всерьез оказать сопротивление? Не «намекнули» ли покровители Керенскому, что он должен уступить власть, как прежде ее уступил Львов? Ударяя в дни Октября из Питера на машине американского посла, Александр Федорович зачем-то приказал всему остальному составу Временного правительства собраться вместе и находиться в Зимнем дворце. А руководить правительством и обороной Зимнего оставил очень уж характерную тройку. Доктора Кишкина, инженера Пальчинского и Пинхуса Рутенберга. Кишкин был полнейшим ничтожеством, неспособным что-либо организовать. Рутенберг, напротив, организовывать умел превосходно. Только раньше он организовывал дела довольно темного свойства – в январе 1905 г. он являлся главным эmissаром зарубежных «бесов» в России, и как раз он через попа Гапона устроил провокацию «кровавого воскресенья». Помогал Рутенбергу в подготовке провокации директор заводов Нобеля Серебровский...

И надо же – какое «совпадение»! На квартире этого самого Серебровского по возвращении из эмиграции поселился Троцкий. И еще одно «совпадение»: третий член «триумvirата», оставленного Керенским, Пальчинский, был старым другом Григория Чудновского – одного из пяти революционеров, которые ехали из Нью-Йорка с Троцким и были арестованы с ним в Канаде. Причем дружба оказалась настолько закадычной, что Пальчинский неоднократно приглашал его к себе в гости в Зимний дворец. А потом Чудновский руководил штурмом Зимнего. И одним махом арестовал торчавшее во дворце без дела правительство... Словом, все разыгралось «по-дружески». А то, что при этом гибли мальчишки-юнкера, были перенасилованы женщины-ударницы, в заведомо безнадежных боях под Гатчиной убивали друг друга казаки и матросы – стоило ли обращать внимание на подобные «мелочи»?

Кстати, если еще раз вспомнить о «германском золоте», то с июля по октябрь большевики не получали финансирования от немцев. После неудачного июльского мятежа эти каналы были вскрыты русской контрразведкой. А.Г. Латышев в своей работе «Рассекреченный Ленин» приводит документы, свидетельствующие, что Владимир Ильич оборвал даже запасные каналы, опасаясь окончательно дискредитировать партию[92, 93]. Но могли ли возникнуть проблемы с деньгами, если в Петрограде находился столь своеобразный американский Красный Крест во главе с одним из директоров ФРС США? Справка Секретной службы Соединенных Штатов от 12 декабря 1918 г. отмечала, что крупные суммы для Ленина и Троцкого шли через вице-президента ФРС Пола Варбурга[198].

По воспоминаниям одного из помощников Сталина, С.С. Пестовского, в первые месяцы советской власти все структуры большевистского правительства занимали деньги под расписки у Троцкого, финансы имелись только у него[161]. А откуда они поступали, свидетельствует не только упомянутая справка американских спецслужб. Имеются и другие доказательства. Известно, например, что 30 ноября 1917 г. Уильям Б. Томпсон и полковник Робинс посетили Троцкого, и после конфиденциальной беседы с ним, 2 декабря, Томпсон направил запрос Мор-

гану – перечислить 1 млн. долларов для советского правительства[158]. Этот факт стал достоянием газетчиков. «Вашингтон пост» от 2 февраля 1918 г. сообщала: «Уильям Б. Томпсон находился в Петрограде с июля по ноябрь прошлого года и сделал личный вклад в 1 млн. долларов в пользу большевиков».

Зачем предпринимались все усилия и расходы, истинные организаторы революции хорошо знали. Тот же Томпсон, покинув Россию, остановился в Лондоне. Здесь он вместе с помощником Хауса Ламотом провел переговоры с британским премьером Ллойд Джорджем и 10 декабря 1917 г. представил ему меморандум, где указывалось: «...Россия вскоре стала бы величайшим военным трофеем, который когда-либо знал мир».

Нашествие иноплеменных

Говорить о дружной «ленинской когорте», осуществившей революцию и отстоявшей ее от «сил империализма», нет никаких оснований. Сам Ленин был убежденным, идейным революционером, искренне считал построение социализма во всем мире сверхзадачей, ради которой допустимо платить любую цену и идти на любые жертвы. Полагал, что можно и должно «играть на противоречиях» империалистических держав, пользуясь, допустим, германскими (или американскими) деньгами. Ленин был уверен, что это лишь временная хитрость – и она обернется против самих спонсоров, когда революция из России перехлестнет в другие страны. Верил он и в необходимость насильственно внедрять социалистические модели хозяйства, подавлять сопротивление «эксплуататорских классов», бороться с религией. Был убежден, что после победы социализма и перестройки страны по новым образцам народ сам осознает пользу реформ и все беды и страдания окупятся общим благом...

Однако подобные взгляды как нельзя лучше устраивали международные антироссийские силы! А чтобы корректировать политику Ленина и большевиков в нужную сторону, эти самые международные «бесы» внедряли в партию своих «оборотней» – еще загодя, в период эмиграции и подпольной борьбы. И Ленин мог планировать все что ему угодно. Но реально «рулить» советским государством начал отнюдь не он. Свердлов возглавил Секретариат ЦК и ВЦИК Советов. То есть как раз через него определялось выполнение как партийных решений, так и решений правительства – не имевшего никаких структур на местах, кроме Советов. В этих должностях Свердлов стал и главным распорядителем кадровой политики, расставляя «своих» людей в среднем звене руководства. Троцкий возглавил внешнеполитическое ведомство, Менжинский и Сокольников (Бриллиант) – финансовое.

Деньги, полученные от иностранных покровителей, требовалось отрабатывать. И первое, чем занялся Лев Давидович на посту наркома иностранных дел, стала публикация тайных договоров из архивов МИД России. Эта акция очень четко ложилась в струю «плана Хауса». Как уже отмечалось, для США настоятельно требовалось разрушить систему старой европейской дипломатии, чтобы строить свою. Хаус не раз писал об этом Вильсону весной и летом 1917 г. – но проблема заключалась в том, что Америка, вступив в войну под занавес, не могла инициировать этот процесс, навязывать свои условия странам, вынесшим на себе тяжесть нескольких лет сражений[6]. Диверсия Троцкого четко решила проблему. Публикации договоров начались 23 ноября, и сразу же, 25 ноября, их взялась перепечатывать «Нью-Йорк таймс». Поднялся скандал, взорвавший весь фундамент дипломатии Европы. Тут-то и подключился Вильсон. Возмущенно объявил, что старая дипломатия никуда не годится, должна быть осуждена и похоронена. А взамен продиктовал собственные «Четырнадцать пунктов» послевоенного переустройства мира.

Следующим шагом Троцкого стали Брестские переговоры и объявленная им формула «ни мира, ни войны». Как нетрудно понять, это тоже отлично вписывалось в «план Хауса». С одной стороны, Россия вышла из войны, вычеркивалась из категории победителей – и вместо надежд на нее странам Антанты пришлось умолять о помощи Америку. С другой – результатом политики Льва Давидовича стало германское наступление с отделением Украины, Крыма, Белоруссии, Прибалтики, Финляндии, Закавказья. Началось расчленение России. Ну а под предлогом германской угрозы и необходимости «играть на противоречиях» империалистических лагерей Троцкий открыл дорогу для оккупантов Антанты. 1 марта 1918 г. телеграммой № 252 он приказал Мурманскому совету: «Вы обязаны принять всякое содействие союзных миссий». Известная в советской литературе версия, будто интервенция осуществлялась ради свержения большевиков, очень далека от истины. Она началась с согласия Советского прави-

тельства, и Хаус писал в дневнике: «Троцкий просил о сотрудничестве в Мурманске и по другим вопросам»[6].

Причем после того, как одно направление деятельности оказалось «отработанным», Лев Давидович перебрасывается на другое. Он уходит в отставку с поста наркоминдела, а 14 марта 1918 г. его, неожиданно для многих, назначают наркомом по военным и морским делам. Настояла на этом питерская часть ЦК во главе с Зиновьевым и Иоффе, обосновывая свое предложение «политическим значением... особенно в Англии и Франции». И действительно, главными помощниками и советниками Льва Давидовича при формировании новой армии становятся... иностранцы.

К этому делу подключается полковник Робинс из американского Красного Креста, французские представители Лавернь и Садуль. Присылают свою неофициальную миссию англичане. Возглавляет ее Брюс Локкарт. Тот самый, который входил в свиту Мильнера во время его предреволюционного визита в Петроград. И сейчас для работы в России Локкарт выбрал и инструктировал лично Мильнер. Кроме него, с Троцким тесно сотрудничают британские разведчики Хилл и Кроми. В состав миссии Локкарта прибывает и Сидней Рейли, он быстро оказывается «своим» человеком в кабинете руководителя Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевича, устанавливает «дружбу» с управделами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевичем, не забывает и старого приятеля Вениамина Свердлова – он тоже вернулся в Россию и по протекции брата получил пост заместителя наркома путей сообщения.

При этом представители Антанты декларировали, будто помогают большевикам создавать армию против Германии – дескать, Советская Россия вооружится, окрепнет и сможет возобновить войну вместе с союзниками. Но костяк формируемых частей составили отнюдь не русские! В первую очередь использовались «интернационалисты» – латыши, эстонцы, китайцы. Мало того, в состав красных войск было влито 250 тыс. немецких и австрийских пленных, они составили 19 % численности армии! И впоследствии генконсул США Харрис уличил полковника Робинса, что тот, помогая формировать и вооружать части из неприятельских подданных, прекрасно знал об этом[189]. Но против кого же предназначалась такая армия? Ясное дело, Антанта помогала создавать ее не против себя. Да ведь и против немцев она не годилась! Остается – против русского народа...

Да, против русского народа. Против него нацелились и акции другого рода, отразившиеся в хозяйственной политике большевиков. Важную роль в их подготовке и проведении сыграл Михаил Зальманович Ларин. Личность, кстати, весьма любопытная. Как уже отмечалось, он был одним из ближайших сотрудников Парвуса, в революцию 1905 г. выдвинулся на очень заметную роль, был председателем Киевского совета. Но затем он почему-то вдруг уходит в тень, превращается в теоретика-«экономиста». В годы Первой мировой переезжает в США, сотрудничает в здешних социал-демократических изданиях. А после Февраля оказывается в Петрограде одним из первых, создает организацию «меньшевиков-интернационалистов», но целиком отдает ее Троцкому. При советской власти он тоже предпочитал оставаться «в тени», был тяжело болен. Но вошел в президиум ВСНХ, каким-то образом заслужил репутацию «экономического гения» и приобрел огромное влияние на Ленина. И даже такой яркий русофоб, как американский историк Р. Пайпс, отмечал, что «другу Ленина, парализованному инвалиду Ларину-Лурье принадлежит рекорд: за 30 месяцев он разрушил экономику сверхдержавы». Именно он разрабатывал и внедрял через Владимира Ильича схемы «военного коммунизма»: запрет торговли и замена ее «продуктообменом», продразверстка, всеобщая трудовая повинность с бесплатной работой за хлебную карточку, принудительная «коммунизация» крестьян... Все это привело к голоду, разрухе. И к масштабному разжиганию Гражданской войны.

Но и гражданская война, в свою очередь, становилась для иностранцев отличным предлогом для наращивания интервенции. Теперь уже как помощь антисоветским силам. Однако в этом позволительно усомниться. Хотя бы по той причине, что странам Антанты снова подыг-

рывали их эмиссары в руководстве большевиков. Так, по первоначальной договоренности с Советским правительством предполагалось вывезти через Владивосток во Францию Чехословацкий корпус, сформированный в России из пленных. Но 27 апреля 1918 г. по просьбе союзников Троцкий вдруг приказал приостановить отправку чехов на восток. Их эшелоны остановились в разных городах от Волги до Байкала.

11 мая в Лондоне в резиденции Ллойд Джорджа состоялось секретное заседание, где было решено «рекомендовать правительствам стран Антанты не вывозить чехов из России», а использовать «в качестве интервенционистских войск»[141]. И Троцкий опять помог! 25 мая по ничтожному поводу драки между чехами и венграми в Челябинске он издал приказ разоружить корпус: «Каждый чехословак, найденный вооруженным... должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором найден хотя бы один вооруженный солдат, должен быть выгружен из вагонов и заключен в концлагерь». Приказ сыграл явно провокационную роль. Корпус, узнав о нем, взбунтовался. А «на выручку» чехам хлынули контингенты Антанты. И от России фактически отделилась Сибирь.

Так что «мировая закулиса» добила своего – расколола российское население и ставила между собой. Причем одни и те же западные державы поддерживали красных и белых! Если представители стран Антанты помогали создавать и вооружать Красную армию, переводили Советскому правительству деньги, то «другой рукой» направлялись денежные подачки Каледину, Деникину, белым правительствам Урала и Сибири. И запутанный, сбитый с толку народ шел брат на брата. Но свергать Советское правительство иностранцы вовсе не собирались. Зачем, если оно проводило политику, выгодную Западу? Мало того, через порты, оккупированные державами Антанты, в Россию продолжали прибывать эмигранты на службу к большевикам! Так, американский майор Шулер 9 июня 1919 г. докладывал из Владивостока, что с начала интервенции до этого дня через город проследовали «384 комиссара, включая 2 негров, 13 русских, 15 китайцев, 22 армянина и более 300 евреев», большая часть из которых приехали из Америки.

Нет, чужеземцы не намеревались спасти Россию, они лишь захватывали то, что «плохо лежит». Нашествие сопровождалось колоссальным разграблением. С Русского Севера, из Закавказья, Украины, Сибири вывозились огромные ценности. Русский «пирог» делили и тасили немцы, англичане, американцы, французы, японцы, турки. Однако сказывался и другой фактор – хищники вовсе не были едины между собой. Германия никак не намеревалась уступать добычу, считая, что богатства России и право ее эксплуатации принадлежит немцам, завоевано ими в ходе сражений и успешных тайных операций. Но и страны Антанты не желали уступать свой грандиозный «трофей» Германии. Причем эти противоречия проявились не только на международной арене. Они отразились и внутри советского руководства.

Когда стало ясно, что политика «балансирования» между двумя империалистическими лагерями обернулась полным провалом, что она стала лишь удобной ширмой для оккупантов, Ленин ее решительно пресек. В сложившейся ситуации более опасными врагами он видел державы Антанты. Немцы удовлетворились тем, что успели захватить, не предъявляя претензий на другие территории. К тому же, как рассчитывал Владимир Ильич, в Мировой войне Германия должна была проиграть. Значит, и от обязательств перед ней можно будет отказаться. Если же на шею сядут англичане и американцы, избавиться от них окажется ох как нелегко. И в противовес им Ленин пошел на дальнейшее сближение с Берлином – вплоть до военного союза, что отразилось в тайном договоре, получившем у историков название «Брест-2».

Но это очень не понравилось правительствам и спецслужбам Запада. И летом 1918 г. прогремели выстрелы двух терактов. 6 июля в Москве был убит посол Германии Мирбах. Свалили на левых эсеров (но Яков Блюмкин, застреливший посла, никакого наказания не понес и позже стал начальником охраны поезда Троцкого). А 30 августа на заводе Михельсона три пули попали в Ленина. Многие данные говорят в пользу того, что за организацией этого поку-

шения стоял Свердлов. Он же после теракта постарался скрыть и запутать все следы[198, 199]. Нельзя исключать, что такой шаг предусматривался изначально по схеме «ступенчатого» сноса России. За Львовым – Керенский – потом Ленин – а за ним, вероятно, Троцкий.

Однако карты заговорщикам спутал Дзержинский. Беспрепятственный разгул западных разведок ему вовсе не нравился, еще с июня 1918 г. агентов ВЧК удалось внедрить в сеть Локкарта, хорошо поработала и флотская контразведка[162, 173]. У чекистов было много данных, что западные шпионы готовят убийство Ленина и переворот. И сразу же после покушения, в ночь на 1 сентября, Дзержинский нанес удар по агентуре Антанты в Москве и Петрограде, произведя массовые аресты[190].

Впрочем, о том, кто реально «правил бал» в Советской России, можно судить по дальнейшим событиям. Свердлов, перехвативший после ранения Ленина рычаги руководства, отправляет Дзержинского в «отпуск», и Феликс Эдмундович предпочитает месяц скрываться в Швейцарии, пока Владимир Ильич не вернулся к работе. Дзержинского заменяет Петерс, креатура Свердлова. Дела о выстрелах на заводе Михельсона и о заговоре Локкарта были разделены (хотя вел их один следователь, Кингисепп). Первое быстро замяли, поспешив уничтожить Каплан и оборвав все нити. А из многочисленных арестованных, связанных с разведками Антанты, не был расстрелян никто (это в разгар вакханалии «красного террора»!) Рейли и французский резидент Вертимон сумели улизнуть, были приговорены к смерти заочно. Британского и французского генконсулов Локкарта и Гренара отпустили на родину. Из обвиняемых, представших перед трибуналом, кого оправдали, кого приговорили к небольшим срокам заключения, кого вскоре помиловали[162]. Все вышли на свободу.

А вот начальник флотской контразведки лейтенант Абрамовича, который как раз и выследил Сиднея Рейли с его агентурой, был обвинен в «контрреволюционном заговоре», осужден и казнен, несмотря на все прошения и апелляции[173]. Имена Робинса и других американских агентов на следствии и суде не прозвучали вообще, как и имена Троцкого, Бонч-Бруевичей и прочих советских деятелей, связанных с западными резидентурами. И с покушением на Ленина дело Локкарта увязано не было – хотя в показаниях обвиняемых и свидетелей неоднократно упоминалось о возможности такой связи.

Феномен Сталина

Советское руководство оказалось буквально нашпиговано эмиссарами «мировой закулисы». Но, конечно, не все видные большевики были связаны с нею. Многие пришли в революцию и выдвинулись к власти другими путями. Самым заметным из таких деятелей стал Сталин. Он и Троцкий родились в одном и том же 1879 году. Но в биографиях обоих лидеров очень много отличий. Лева Бронштейн появился на свет в семье очень богатого херсонского землевладельца и зерноторговца, Иосиф Джугашвили – в бедной семье грузинского крестьянина, занимавшегося сапожным ремеслом. Отец со временем стал сильно пить, и в 11 лет мальчик остался сиротой. Растила Иосифа мать-поденщица, отдавала все силы, чтобы воспитать его. Мечтала, чтобы сын стал православным священником. В 1888 г. Иосиф поступил в Горийское духовное училище, проявил себя очень талантливым, окончил с отличием и в 1894 г. был принят в Тифлисскую духовную семинарию.

Но для его бурной, увлекающейся натуры рамки учебного курса и распорядка оказались «тесными». Джугашвили начал писать стихи, публиковавшиеся в газете «Иверия» – подписывал их псевдонимами «Сосело» и «Коба» (по имени романтического благородного разбойника из книги писателя Казбеги). И стихи были неплохие. Дореволюционные составители, не зная автора, включили некоторые из них в грузинские учебники, хрестоматийные сборники[161]. Иосиф тайком от руководства семинарии стал ходить в литературные кружки. Но эти кружки служили прикрытием для собраний революционеров...

Причем грузинские социалисты, Чхеидзе, Жордания и др., были связаны с международным масонством, позже они сыграли видную роль в Февральской революции, в правительстве меньшевистской Грузии. Что, в общем-то, неудивительно, для зарубежных антироссийских сил соединение социалистических идей с сепаратизмом представляло особый интерес. Но как раз национализм этой группировки оттолкнул от нее Джугашвили. Он предпочитает действовать независимо от нее, создает социалистический кружок в семинарии, ходит пропагандистом к рабочим. Начальство начало догадываться о его увлечениях. Улик против него не было, но ему поставили в вину «дерзость», слишком острые вопросы. В 1899 г. при прочих отличных оценках поставили двойку по поведению и исключили из семинарии.

Он стал кочевать по друзьям, знакомым из тех же социалистических кружков и превратился в профессионального революционера. Возглавил работу в Батуме. В 1902 г. первый арест, ссылка, как и у Троцкого, в Иркутскую губернию. Ему побегов за границу никто не организовывал, но со второй попытки все же удрал, вернулся в родное Закавказье. Начал писать и теоретические работы. И его привлекли статьи Ленина – у которого, в отличие от других теоретиков, все было предельно просто, понятно, четко разложено «по полкам». Именно такой марксизм энергичный Коба считает подходящим для себя, пригодным в качестве боевой программы. Он увлекается Лениным и заочно признает его «учителем».

Лично Джугашвили познакомился с Владимиром Ильичем в 1905 г. на Таммерфорской конференции и был в восторге от него. А на V съезде партии в Лондоне впервые увидел Троцкого. И оба друг друга не оценили. Иосиф Виссарионович назвал будущего врага всего лишь «красивой ненужностью», а Лев Давидович на него вообще не обратил внимания. Коба-Джугашвили был одним из руководителей революционных акций в Закавказье. Но нашумевшая в «разоблачительных» кампаниях история о том, что он организовывал ограбление Тифлисского казначейства, остается недоказанной. Это обвинение прозвучало из уст Мартова в пылу ругани с большевиками, и даже такой убежденный антисталинист, как Д. Волкогонов, признает, что оно ни в то время, ни позже ничем не подтверждалось[34].

Невольно обращает на себя внимание и первая женитьба Джугашвили. Потому что все революционеры были атеистами (или, по крайней мере, представляли себя таковыми). К рели-

гиозным обрядам прибегали вынужденно, когда это требовалось с формальной точки зрения. В том числе для регистрации браков, которые по законам Российской империи были только церковными. Ленин в Шушенском венчался с Крупской. Троцкий в тюрьме заключил брак по иудейскому обряду с Александрой Соколовской. Однако реального значения таким «формальностям» не придавалось. Тот же Троцкий, совершая побег из ссылки, бросил Соколовскую с детьми в Сибирь, а в Париже сошелся с Натальей Седовой, не расторгая прошлого брака и не оформляя нового. Ленин предпочитал Крупской Инессу Арманд, и Надежду Константиновну это не смущало, так и жили втроем «дружной семьей». А Свердлов вопросами брака вообще не задавался, сходил и расходился с подчиненными девицами-подпольщицами, пока не нашел себе удобную постоянную подругу Новгородцеву.

Иосиф Джугашвили, в отличие от них, *сочетался тайным браком*. Его и Екатерину Сванидзе *тайно обвенчал* товарищ по духовной семинарии Христофор Тхинволели[34]. Для обычного среди революционеров сожительства этого не требовалось. И для юридических формальностей тоже, с точки зрения закона подобное венчание было недействительным. Но ведь зачем-то потребовалось Иосифу именно венчаться! Хотя брак, от которого родился сын Яков, оказался недолгим, Екатерина вскоре умерла от тифа. И ребенок воспитывался у родственников. А у Джугашвили продолжалась типичная жизнь революционера. Аресты, ссылки, побеги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.